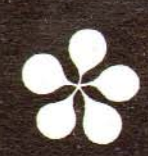
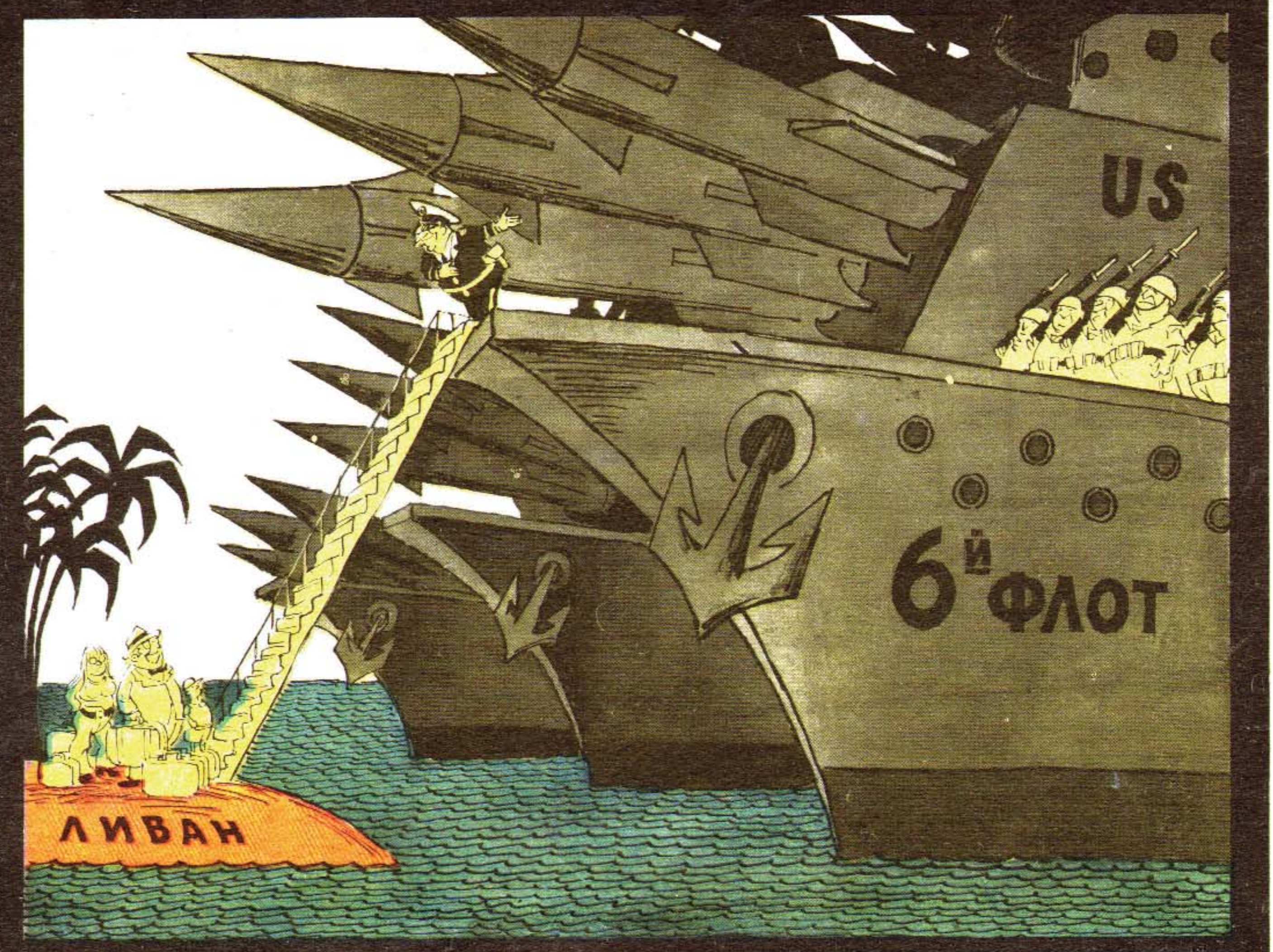
МЕЖДУНАРОДНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

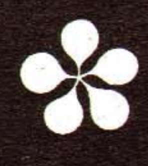
Под фальшивым предлогом эвакуации из Ливана американских граждан к берегам Ливана подошли корабли американского 6-го флота. Подлинная цель этого маневра ни для кого не составляет секрета: Вашингтон пытается оказать давление на Ливан, чтобы обеспечить свои ближневосточные «нефтяные интересы».

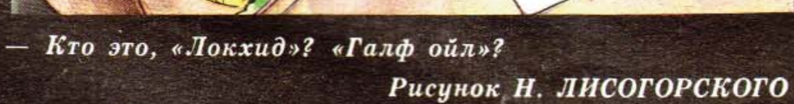

Под видом эвакуации.
Рисунок М. АБРАМОВА

«Не подмажешь — не продашь». Таким принципом руководствуются крупнейшие американские корпорации. Авиастроительная фирма «Локхид» и нефтяная «Галф ойл» в целях расширения сбыта своей продукции раздавали крупные взятки должностным лицам ряда капиталистических стран.

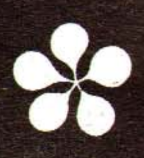

— Кто это, «Локхид»? «Галф ойл»?
Рисунок Н. ЛИСОГОРСКОГО

Нью-Йорк — самый большой город Соединенных Штатов — по-прежнему на грани банкротства. Задолженность муниципальных властей банкам достигла 12 миллиардов долларов.

Самый высокий небоскреб.
Рисунок Ю. ЧЕРЕПАНОВА

КРОКОДИЛ ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА» МОСКВ... ...екс 70448 Цена номера 15 коп.

КРОКОДИЛ

— От нас потребовали сократить штаты.

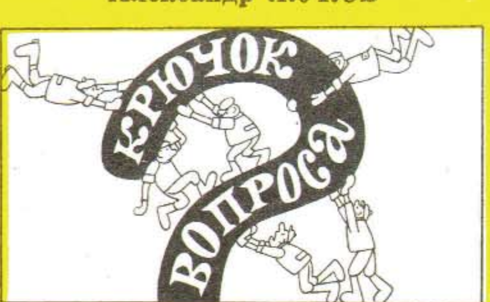
Рисунок И. СЕМЕНОВА

№14 МАЙ 1976

Недостатки в проектировании, длительные сроки строительства ведут к удорожанию многих сооружаемых объектов.

(Из материалов XXV съезда КПСС)

Александр ЖУКОВ

Год у нас отмечен каждый
новостройками. И вот
институтом был однажды
спроектирован завод.
Не завод, а загляденье!
Храм труда!
И вместе с тем
облегченным был предельно
вес конструкций крыш
и стен.
Показал расчет подробный,
что предложенный проект,
воплотившись, даст огромный
экономии эффект.

Впрочем, это лишь полдела.
Ждут строителей дела!
И работа закипела,
закипе...
Но замерла.
Крышу цеха стали ставить,
а она сама собой
так провисла, что местами
задевали головой.
Совещалась вся бригада.
Сообща решили так:
«Крышу нам усилить надо,
чтоб держала
даже танк!»
Приварили аккуратно
двадцать балок на пролет.
Раза в два на метр
квадратный
увеличили расход.

Только выправили крышу —
слышен новый разговор,
что нагрузка стала выше
допустимой для опор...
И уже стоит рядами
строй усиленных колонн,
словно давит
на фундамент
многотонноногий слон.
И тогда решают смело
под фундамент котлован
увеличить...
Жаль, что делу
не поспеть вослед словам!..

Залатали б все заплаты
к сроку, если бы не «бы»:
как на грех, вопрос оплаты
встал, как лошадь, на дыбы!
Чем платить за переделки,
если их по смете нет,
если кончились все деньги,
а виной — худой проект?
Тут гордиться, видно, нечем,
а стыдиться — сто причин:
об эффекте нет и речи
(об убытках —
промолчим).
Жмут строители плечами:
«Отчего бывает так?
Сам проект — без
замечаний!
А возьмешься строить —
брак!»

Разрешить вопрос не просто.
Но задача наших дней —
распрямить крючок вопроса
по возможности
скорей!

Экономические стимулы еще не играют должной роли в повышении качества продукции.

(Из материалов XXV съезда КПСС)

— *Кажется, взял!*

Рисунок Ю. ЧЕРЕПАНОВА

Кондрат УБИЛАВА, специальный корреспондент Крокодила

ЭХ, КАРТОШКА, ТЫ КАРТОШКА...

Центральную Россию уже поливали косые, желтые, обложные и просто дожди. А у сочинского берега волны еще баюкали баловней бархатного сезона...

— Эх, нам бы сейчас ноль по Цельсию! — с тоской молвил некто, по виду торговый деятель городского масштаба. И проводил глазами машину, которая пугала всесоюзную здравницу тревожной сиреной.

Человек в машине нервно шептал: «Столько больных? Масса искалеченных? Ах, какой ужас! Неужели же?»

Человек выскочил из машины, сказав себе: «Без паники! Разберемся!» И вслух:

— Где больные?

Больные лежали перед ним, но загадочно молчали. Ни стона, ни вздоха...

Чем дольше осматривал их доктор, тем больше мрачнел:

— Эпидемия! Столько безнадежных — и сразу! Невероятно...

Он перевел дух, чтоб собраться с силами и определить истинный размах бедствия.

— Так... Тут — сплошь парша, до двадцати процентов. С рублеными ранами — до десяти процентов. Страдают неизлечимым фитофторозом — тоже около одной пятой части. Задохнулись, бедняги,— десять процентов. И так далее!

Закончив альпинистские восхождения на картофельные горы, кои весили ровно 1 825 тонн, доктор гневно воздел руки к блистающим небесам и воззвал к ним же:

— Кто?! Кто и как погубил такую уйму «второго хлебушка»? Кто виноват, что на нем полно мушиных яиц, из которых вот-вот поползут жадные черви?

Картофельный Айболит решительно прыгнул в спецвертолет и унесся туда, откуда приехал картофель. К косым и прочим дождикам — во Владимирскую область. И начал поиск картофельных супостатов.

Беды начинались прямо в поле. У картофельного доктора закралось сильное подозрение: выращивая картофель, его перепичкивают удобрениями. Ратуя лишь за солидный вес, забывают о других качествах клубня, в частности о «лежкости». Тут же, без отрыва от родного поля, бульбу подстерегает коварный фитофтороз. Коварен он потому, что проявляется во всей красе лишь через 2—3 недели после уборки. Хворые клубни можно выловить сразу — при тщательной переборке. Но радетелям за план это, разумеется, и в голову не приходит. Да что там болезни! Вместе с картошкой в дальнюю дорогу отправляется... обыкновенная землица. Причем в таком количестве, что на субтропические свалки в скором времени может переместиться весь плодородный почвенный слой владимирских полей.

Затем появляются картофельные губители, вооруженные до зубов безжалостной уборочной техникой. Картошку рубят, кромсают, режут. Острыми лопатами бросают на машины.

И вот уже на сцену выступают недруги в железнодорожной форме. Они наваливают клубни в обычные вагоны, где плоды земли буквально погибают от удушья. Кроме того, везут их долго. Да еще минимум 8—10 дней томят в ожидании выгрузки.

Наконец, увечный и недужный «второй хлеб» попадает во владения сочинских, сухумских, батумских торговых людей. А те могут предложить ему лишь жалкое подобие благоустроенной квартиры. Или сараи, где царит нежный бархатный сезон, или навесы, или открытые площадки с брезентовым одеялом... Раны и болезни быстро превращают продукт в гниль.

Итак, гонителей картофеля много. Недобросовестный картофелевод. Безответственный закупщик из кооперации. Равнодушный железнодорожник. И тот, кто не позаботился о прохладных картофелехранилищах на морском берегу, а лишь бесплодно мечтает о нулевой температуре окружающего воздуха. Впрочем, все они не отъявленные злодеи. Просто они думают: «Ну, что такое картошка? Ха! Не персик же, который надо по отдельности в бумажку заворачивать. Картоха, она все стерпит!»

И картоха терпит. Терпит бедствие, пока не превращается в мусор...

Но стоп! Ах, не туда фантазия унесла фельетониста! Не мчалась машина, не стрекотал спецвертолет. Не было даже гневного крика в небеса и воздевания рук к ним же. Ничего такого эмоционального не наблюдалось на сочинском горизонте. Не было и картофельного Айболита, а был всего лишь старший научный сотрудник Краснодарской овощекартофельной селекционной опытной станции М. Щукин. И диагностировал всего лишь одну партию из многих. Местные плодоовощеторговцы призвали его для авторитетного подтверждения размеров ущерба. Поэтому М. Щукин сел и составил свое заключение.

Впрочем, картофельные горы попадают в поле зрения не только специалистов. Один отдыхающий ненароком увидел гниющие эльбрусы и, ужаснувшись, телеграфировал в столицу:

«Картофель зпт завезенный курорту Сочи зпт поражен фитофторой и удушьем зпт длительному хранению непригоден тчк Состояние картофеля каждым днем ухудшается зпт что может привести большим потерям тчк Прошу обязать Минпищепром принять картофель количестве восемь тысяч тонн переработку тчк Срочно сообщите зпт каким заводам произвести отгрузку тчк Замросминторг А тчк С тчк Иванов».

Да-да, на переработку. Вот и М. Щукин меланхолически подытожил: быстро перебрать более 1800 тонн очень трудно. Куда же их?

— К свиньям! — восклицают торговые деятели, имея в виду прямой смысл слова.— Или хоть на переработку. В Пензу, что ли...

Так возникает продолжение маршрута. Прокатившуюся поперек географической карты картошку возвращают почти что на исходный рубеж. Не первый год картофельные эльбрусы тают на глазах. Не попав к столу, перемещаются в свинарники и на спиртзаводы. Только за три последних года из Владимирской области прибыло 10 500 тонн. Из них 7300 тонн до стадии «в мундире» не дожили.

Говорят, правда, что в результате эпистолярных усилий сочинских, сухумских, батумских торговых людей на Черноморское побережье в этом году из Владимирской области картошку не повезут. Но ведь едет она и из Брянской, Калужской, Орловской, Тульской, Смоленской, Житомирской областей. И потом так же буйно гниет под ласковым солнышком.

— Это — грубое нарушение,— сказал А. Рогачев, госинспектор по овощам и картофелю из Министерства заготовок СССР,— отправлять больные клубни. На месте обязаны контролировать, соблюдать стандарт. Тем более сейчас, когда на XXV съезде партии была поставлена задача улучшить снабжение населения овощами...

С укропом ли, с селедкой, со сливочным маслом, с подсолнечным — во всяком виде хороша картошка. За исключением, конечно, того, в каком она оказывается по вине картофелегубителей.

Черноморское побережье Кавказа.

НА СЪЕЗДОВСКОЙ ВОЛНЕ

Свет ПРИДВОРОВ, специальный корреспондент Крокодила

А ВВОЗ И НЫНЕ ТАМ

Будучи в Ярославле, я зашел в одно из строительных управлений Главверхневолжскстроя. Дверь налево, дверь направо. Открыл одну — пусто. Открыл другую — в глубине кабинета человек. Один из строительных начальников.

Мужчина фундаментальный, представительный. Только, простите, не в пиджаке, а в майке...

— Что случилось? — спрашиваю. — Может, в милицию позвонить?

— Нет-нет... Не надо! — поеживаясь, отвечает начальник. — Это я добровольно пиджак и сорочку с галстуком отдал. Меня, так сказать, раздевают по договоренности.

— За что же вас так?

— За гравий и щебень расплачиваюсь. И своими личными вещами и государственным достоянием... Не хватает нам этих самых нерудных материалов. Вот и приходится и розы дарить, и шляпы, и даже, извините, брюки.

— Не понимаю! По дороге к вам я не один карьер видел...

— Так это же не наши! Они только на ярославской земле. А принадлежат Минэнерго, Минавтотрансу, Минстрою, Северной железной дороге.

Он положил перед моими глазами бумажки.

— Смотрите!

Я выбрал справку об обеспечении Главверхневолжскстроя гравием и щебнем. В ней черным по белому написано:

«В 1976 году запланировано вывезти за пределы Ярославской области с 4 карьеров 781 тыс. кубометров щебня и гравия. В то же время строительных материалов 350—400 тысяч кубометров приходится завозить с Урала, из Эстонии, Туркмении, Карелии и других районов страны».

— ...А за красивые глаза никто гравий не дает. Всех благодарить надо!

Не окончив говорить, начальник устремил взгляд на дверь. Трое здоровенных мужчин, с лицами, скорбными, как на похоронах, молча подошли к дивану и, ловко подхватив его, поволокли из кабинета.

— Вот видите, и диван пришлось отдать, — внес ясность в происшедшее начальник.

А в кабинет, не замечая нас, входили какие-то люди и выносили поочередно приемник, телевизор, шкаф с литературой...

— Мой коллега из треста «Стройконструкция» Карелстрою за пять кубов щебня кубометр железобетона дает, — сказал начальник. — Недавно еще пару моторов отволок...

— Товарищ, встаньте! — Кто-то дотронулся до моего плеча.

Это из кабинета выносили кресла.

Исповедь полуобнаженного начальника далее пришлось записывать стоя.

— А что прикажете делать? Нет щебня — нет бетона! Нет бетона — нет плана! Недавно, правда, Северная железная дорога нас из проруби вытащила. Помогла вагонами и щебнем.

— А вы товарищам чем помогли?

— Мы им девятиэтажный дом отгрохали раньше, чем полагалось. А вот ярославский завод «Керамзит» с железной дорогой и с Министерством путей сообщения СССР никак не может договориться. Ему никто ничего, и он никому ничего! Вот у меня их телеграмма Министерству путей сообщения СССР:

«Отсутствием вагонов станции Кондопога Карельской АССР остановлен ярославский завод «Керамзит» нет сырья Киречек».

Я пошатнулся. Не от удивления. Просто из-под меня выдергивали коврик. Тут же убрали письменный стол. Теперь мы стояли друг перед другом, не разделенные даже половичком.

На полу зазвонил телефон. Начальник снял трубку, и лицо его вытянулось, как дыня:

— Что? Останавливаете? Щебня больше нет?.. Где взять? Я... не...

Мы вышли из пустого кабинета.

— Все! — мрачно сказал начальник, надевая пальто прямо на майку.

...Читатель, вероятно, подумает, что автор этих строк потерял чувство меры и вообще перегнул палку в смысле гиперболы. Ничего, мол, даже отдаленно похожего не может быть. И кто этот полуголый начальник? Его фамилия?

Каюсь: в лице одного начальника вывел сразу нескольких. А в остальном не согрешил против жизненной правды. Именно в таком безвыходном положении находятся ярославские строители с начала нынешнего года.

Еще летом прошлого года обком КПСС и облисполком послали в Москву тревожную депешу, где были хватающие за сердце слова: «Из-за отсутствия... вынуждены завозить... стоимость увеличивается в 3—4 раза по сравнению с добываемыми в Ярославской области».

Прошел почти год, но вывоз и ввоз и ныне там!

Упомянутые выше министерства и ведомства на это послание не отреагировали.

На днях я встретил ярославского начальника в Москве, в одном из министерств. Он снова был при полном параде. Костюмчик, рубашечка, галстук в горошек.

— Ну, что?

— Да вот кое-как выкрутились!

— И долго вы так будете перебиваться?

— Пока не наладится правильное планирование. Пока все карьеры нашей области не будут иметь одного хозяина. Пока...

— Значит, вы привезли свои предложения в министерство? Но ведь и так уже ясней ясного было сказано на двадцать пятом съезде партии, что большие возможности роста заложены в концентрации производства на базе межхозяйственного кооперирования!

Он поглядел на меня грустно-грустно:

— Об этом здесь, конечно, известно, да только до практики дело еще не дошло. И поэтому я пока что хочу выбить энное количество самосвальчиков, чтобы обменять их на некоторое число сборных домиков, а эти самые домики махнуть на щебенку. Ясно?..

— Яснее некуда! — вздохнул я.

Ярославль — Москва.

Нетерпимы такие недостатки, как потери рабочего времени и простои, неритмичность в работе, слабая трудовая дисциплина.

(Из материалов XXV съезда КПСС)

— *Что это трактор работает, а Иванова не видать?*

— *А он уже неделю как у тещи гуляет.*

Рисунок Г. и В. КАРАВАЕВЫХ

«...Наш заведующий выволок из своего кабинета дорогой радиоприемник, взял учрежденческий холодильник и еще кое-какие вещички и отвез домой. Когда я сказала об этом на собрании, меня одернули: дескать, мелочь! Так ли это?»

(Из письма читательницы В. Зотовой.)

ЭКВИЛИБРИСТЫ

Что ж, на этот вопрос можно ответить однозначно. Для наглядности приведем пример из жизни одного учреждения, где некий Шмелев[1] проделал точно такую же малопривлекательную операцию. Ему пришлось держать ответ в высокой контролирующей инстанции. Происходил такой неутешительный для Шмелева диалог:

— Василий Игнатьевич, вы ковер взяли?

— Взял.

— Отвезли домой?

— Отвез.

— Прихватили для разнообразия и телевизор?

— Не отрицаю.

— Заодно увели в свой гараж, что на даче, и учрежденческую «Волгу»?

— Почему же увел? — в голосе Шмелева прозвучали нотки оскорбленного достоинства.— Что вы хотите этим сказать?

— То, что слышали. Свели с учрежденческого двора машину. Если бы это была лошадь, ваш поступок квалифицировали бы как конокрадство. Так что будем наказывать...

— Не понимаю, за что.

— Понимаете, не маленький.

— Давайте рассуждать логически,— сказал Шмелев.— *Мой* служебный кабинет предназначен для *моей* работы. Домашний кабинет предназначен для *моей* же работы. Ковер предназначен для *моего* кабинета. Какая разница, где будут топтать его *мои* ноги — в служебном или домашнем кабинете? То же самое я могу сказать о телевизоре и машине.

И тут мы подумали: если бы Шмелев жил в Древней Греции во времена Протагора и Антифонта, он наверняка примкнул бы к софистам. Мы без особого труда представили себе Василия Игнатьевича сидящим под оливковым деревом в хитоне и сандалиях на босу ногу. Солнце нещадно печет, гражданин Шмелев, вытирая с лысины капельки пота, с жаром доказывает истинность известного софизма: «Вор не желает приобрести ничего дурного. Приобретение хорошего есть дело хорошее. Следовательно, вор желает хорошего».

Но гражданин Шмелев сидит не под оливами, не под миртами, не под лавровыми сводами. И все его рассуждения, основанные, как всякий софизм, на двусмысленностях, подтасовке понятий, словесной эквилибристике, не имели успеха. Ему сказали:

— Не виляйте! Вы отчетливо понимаете, о чем идет речь!

И Шмелев загремел, как спущенное с лестницы пустое ведро.

Хитросплетения софистической мысли, жонглирование понятиями не смогли скрыть весьма печального факта: нравственной эрозии. С чего она начинается? То ли с невинных на первый взгляд фраз: «Мой шофер», «Мои сотрудники», «Моя контора»? То ли со стяжательского поветрия, постепенно выдувающего и разрушающего нравственный фундамент личности? То ли с либерализма окружающих: стоит ли подсекать руководителя из-за каких-то микропроступков? Но ведь микропроступки так же опасны, как и первые неверные шаги. Именно с первого неверного шага дорога зачастую ведет в общественное небытие.

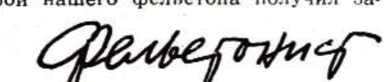
Так или иначе, взяв ковер, телевизор, машину, Василий Игнатьевич ограбил прежде всего себя. Обобрал, как липку. Ведь цена ковра и машины не эквивалентна цене доброго имени, авторитета, уважения сослуживцев. Все это нельзя выразить никакими денежными знаками.

Леонид Ильич Брежнев в докладе на XXV съезде КПСС сказал:

«Чем выше поднимается наше общество в своем развитии, тем более нетерпимыми становятся еще встречающиеся отклонения от социалистических норм нравственности. Стяжательство, частнособственнические тенденции, хулиганство, бюрократизм и равнодушие к человеку противоречат самой сути нашего строя».

В этом, собственно, и заключен ответ, который мы хотели дать нашей читательнице.

[1] Фамилия изменена. Герой нашего фельетона получил заслуженное наказание.

Сергей СМИРНОВ

САТИРИЧИНКИ

ЭПИТАФИЯ

Тут захоронен
Аноним
И причиндалы,
иже с ним.
Лежи, плита, на нем,
как пресс,
Чтоб
Сей усопший
Не воскрес!

ПШИК-БЛЕСК

Решила Щука:
— Ух, блесну!
И
Близоруко
Хвать Блесну!

Мораль тут
В действии самòм:
Коль уж блистать —
Блистай
С умом!

ОСЕЛ-ИЗДАТЕЛЬ

Явил
Осел-издатель
прыть:
— Сатиру
с Юмором
Закрыть!
И сам же стал
для них
мишенью,
За столь
Ослиное
Решенье.

«КАКТУС-НЕЗАМЕНИМУС»

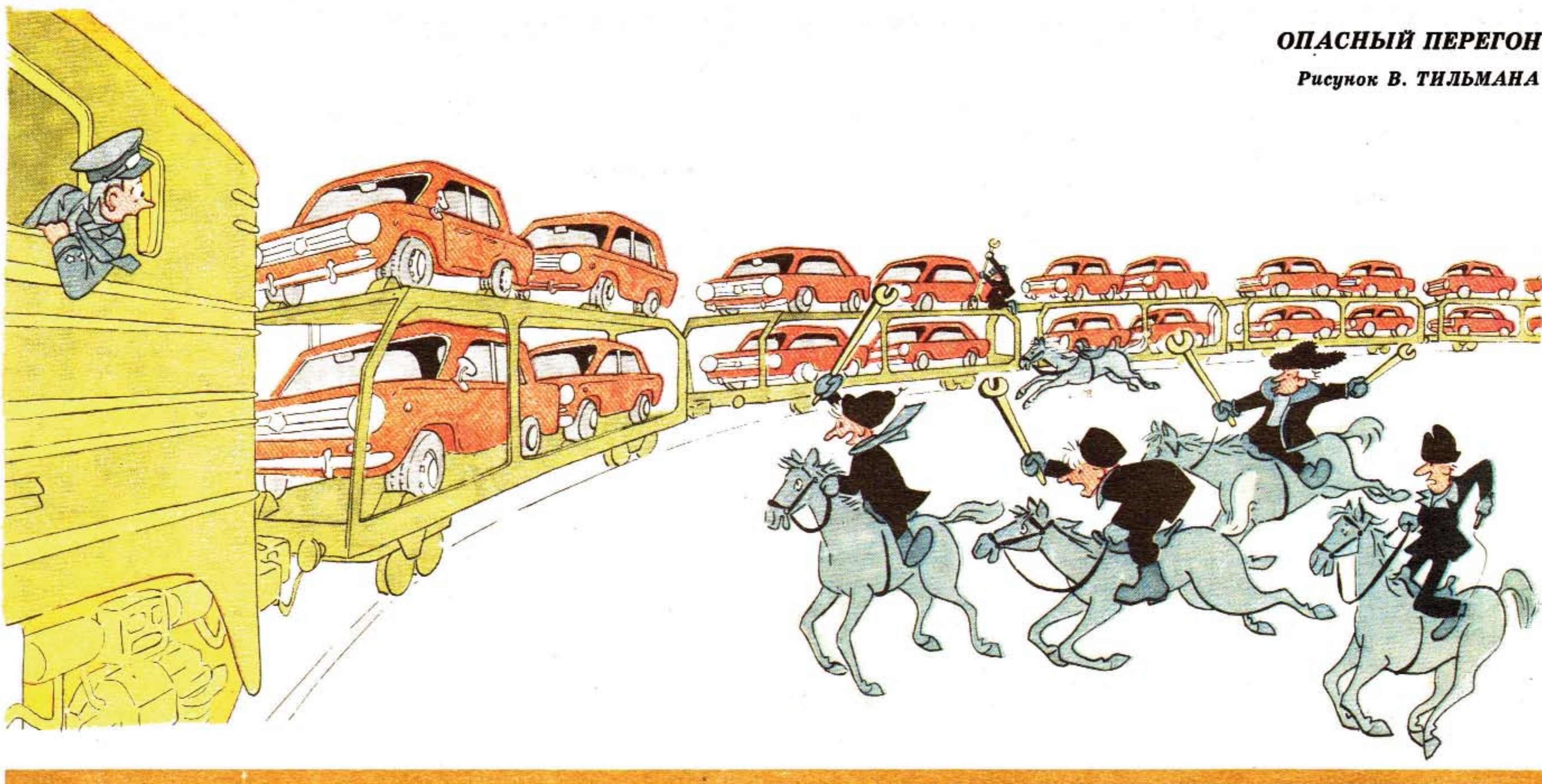
Добился кресла.
Втиснул чресла.
Растит
колючки
день за днем.
Он даже врос
Корнями
в кресло,
Чтоб навсегда
Остаться
В нем.

САМООТПЕТЫЙ СОЛОВЕЙ

За трели
от зари и до зари
Был избран
Соловей
В секретари.
И вот — умолк.
Все трели —
«До свиданья!»
— Что с Соловьем!
Заели...
заседанья.

В ТЕПЛЫЕ КРАЯ — *Рисунок К. НЕВЛЕРА и М. УШАЦА*

ОПАСНЫЙ ПЕРЕГОН
Рисунок В. ТИЛЬМАНА

Устин МАЛАПАГИН,
специальный корреспондент Крокодила

ГРЯЗЕВАЯ ПРОЦЕДУРА

Девятнадцатого января сего года в комнату к Ольге Адамовне Кузнецовой вошел незнакомый мужчина в милицейской форме...

Тут позвольте взять небольшой лирический тайм-аут, посвященный милиции. Я лично обеими руками расписываюсь под абсолютно справедливым утверждением поэта о том, что «моя милиция меня бережет». Но согласитесь: одно дело расписаться вообще, а совсем другое, когда появляется товарищ в форме и просит расписаться под протоколом, скажем, допроса. Не знаю, как вам, а мне стало бы по меньшей мере неудобно за то, что я отрываю и без того перегруженного товарища от дела.

Примерно такое чувство довелось пережить и О. Кузнецовой, когда в ее комнату в санатории «Спалис» вошел начальник Бирштонасского отдела внутренних дел тов. Покалко, вынул бумагу и предложил на основании ее гражданке Кузнецовой Ольге Адамовне, медсестре больницы города Щучина, ранее не судимой, предъявить для опознания головной платок, пуховый, темно-серого цвета, каковой в случае обнаружения такового должен быть изъят у таковой.

Еще полчаса назад Ольга Адамовна гуляла по дорожкам санатория, знакомилась с новыми, кстати, поголовно симпатичными людьми и чувствовала, как крепнет здоровье и возвращается чувство юмора. Наверное, поэтому сообщение тов. Покалко об изъятии платка было воспринято ею в юмористическом плане, вроде шутки массовика-затейника.

Кузнецова немедля включилась в игру, ответив в том смысле, что не возражает, чтобы вместо платка тов. Покалко изъял у нее одну-две болезни. Что же касается платка, то это — подарок матери, он дорог ей как память, и носит она его вот уже восьмой год.

То, что шутка не принята, Ольга Адамовна поняла сразу. Выражение лица тов. Покалко посуровело. Он пригласил в палату двух отдыхающих, превратившихся с этого момента в понятых, и попросил их подписать акт об изъятии платка. Затем визитер взял у Кузнецовой, превратившейся с этого момента в уличаемую, письменное объяснение и удалился из палаты с платком, ставшим с этого момента вещественным доказательством.

Солнечный январский день померк в глазах Кузнецовой, приобретя темно-серый оттенок, в точности напоминающий цвет злополучного платка.

Тут позвольте снова взять тайм-аут для заявления: авторитет нашей милиции является закономерным результатом ее справедливых, тактичных и терпеливых действий. Прежде чем взяться за составление протокола, представитель власти выяснит все обстоятельства, взвесит все «за» и «против». Увы, в данном случае авторитет милиции превратился в доказательство «вины».

Раз тов. Покалко изъял платок у Кузнецовой, решили отдыхающие, значит, на то были самые серьезные основания.

Надо сказать, что, несмотря на январь, эта перемена «психологического микроклимата» доставляла Ольге Адамовне гораздо больше горечи, чем отсутствие головного убора. Она мучилась отверженностью, и ничто — ни прилежное посещение хвойных ванн, ни знаменитые грязевые процедуры — не могло обелить ее в глазах отдыхающих. Трижды обращалась она в милицию Бирштонаса, и трижды ей вразумительно поясняли, что платок у нее изъят в соответствии с телеграммой старшего следователя милиции города Щучина Ю. Прощенко, поскольку в больнице, где работает гражданка отдыхающая, у кого-то пропал в точности такой же платок. И в доказательство приводили приметы платка, описанные в телеграмме: а) пуховый, б) темно-серый, в) квадратный и г) женский. Все совпадало...

В конце концов, спустя восемь дней, ввиду неявки щучинских представителей, платок Кузнецовой был возвращен и, отбыв срок (мы имеем в виду срок отдыха по путевке в литовском санатории «Спалис»), она вернулась в Щучин.

Когда члены месткома увидели нервно вздрагивающее существо с покрасневшими глазами, они не сразу признали в нем медсестру Кузнецову. А признав, поняли, что она не использовала месткомовскую дефицитную путевку для укрепления здоровья.

— Что же это вы, Ольга Адамовна, вместо того, чтобы, набравшись сил, полноценно трудиться... — начал было председатель месткома, но не кончил, потому что Кузнецовой уже не было. Она была в щучинской милиции у старшего следователя Ю. Прощенко.

Так как от волнения она не могла задать ему свои жгучие вопросы, а все лепетала о каком-то подарке матери, чести и позоре, эти вопросы пришлось задать нам.

— Как же так? — спросили мы Юрия Степановича.— Вы, опытный работник, без проверки, без беседы с Кузнецовой взяли и объявили ее воровкой? И ведь поговорить-то с ней ничего не стоило: четырнадцатого января, когда вы дали телеграмму в Бирштонас, она еще работала. И пятнадцатого тоже трудилась. И вообще, откуда вы взяли, что Кузнецова украла платок?

— Кто-то там сказал из больницы. Фамилию, правда, запамятовал...— ответил старший следователь.

— Но ведь есть десятки свидетелей, которые подтвердят, что этот платок — собственность Кузнецовой. И что он вообще не отличается от массовой продукции, выпускаемой нашей промышленностью.

— Да. Нами теперь точно установлено, что платок действительно принадлежал гражданке, то есть товарищу Кузнецовой, о чем мы сообщили на пятиминутке в больнице всему медперсоналу. Не представляю, что еще от нас требуется.

— Есть платок и есть телеграмма, предписывающая его изъять,— в свою очередь, разъяснил тов. Покалко.— Мое дело изъять, а не вдаваться в психологию отдыхающего. Доказал, что платок твой, — носи на здоровье. Лично я тоже не представляю, что от нас еще требуется.

Объяснить это действительно не просто, и тут не обойдешься никаким резюмирующим тайм-аутом или оправдательной пятиминуткой. Ведь надо собрать всех отдыхающих — свидетелей того, как опозорили Кузнецову, всех их родственников и знакомых, кому была рассказана эта детективная история, всех горожан города Щучина, до которых в виде цунами докатились «достоверные» слухи, и объявить им, что Кузнецова невинна, как октябренок.

Представив себе весь объем этой очистительной деятельности, я и решил ограничиться настоящим фельетоном, дабы восстановить доброе имя Ольги Адамовны и заявить, что утверждение поэта «моя милиция меня бережет» остается в силе, несмотря на действия тт. Прощенко и Покалко. Хотя бы потому, что исключения, как известно, лишь подтверждают правило.

Дм. ИВАНОВ, Вл. ТРИФОНОВ, специальные корреспонденты Крокодила

Документально-приключенческая повесть

Специальная экспедиция «Крокодила», возглавляемая доктором биологических наук, профессором Г. О. Семужным и сопровождаемая поочередно спецкорами А. Моралевичем и С. Бодровым, обследовав глухой Сохандинский заповедник (Читинская область) и, не обнаружив там разыскиваемого чудовища, перебазировалась в Приэльбрусье (см. № 11). Сюда их позвала срочная депеша: «...Вытоптаны склоны гор, повалены вековые сосны, и дикий рев доносится по ночам из Баксанского ущелья».

Однако и здесь мужественных энтузиастов постигло разочарование: выяснилось, что ущерб уникальному уголку наносят... туристы и нерадивые хозяйственники. Расследуя факты гибели ценных деревьев, засорения воздуха и горных рек, экспедиция попадает под снежную лавину и теряет своего руководителя профессора Семужного.

На помощь профессору приходит известный альпинист, заслуженный тренер СССР А. А. Малеинов. Г. О. Семужный спасен (см. № 12). Но, ничего об этом не зная, экспедиция в неполном составе продолжает поиск, в котором ее сопровождают наши спецкоры — Дм. Иванов и Вл. Трифонов.

Глава шестнадцатая
НЕ НАДО СЛЕЗ!

Прощание у самолетного трапа было кратким. Ввиду этого у отлетавших как-то сразу нашлись самые нужные слова.

— Это жизнь, мужики! — сурово сказал Квант.— Ищешь чудовище, а теряешь товарища. Это жизнь!

— Не каркай! Брехать — не цепом махать! — оборвал его Варсонофьич.— С лавиной, конечно, шутки плохи. Но ведь не всякая пуля в кость да в мясо, иная и в поле. Оставляем Серегу для розысков. Это корреспондентская докука — вглубь копать. Отыщет нашего профессора!

Спецкор Сергей Бодров согласно кивнул, подтверждая, что не в правилах редакции бросать людей, угодивших в беду, и что в том или ином виде Семужный будет найден. Тут сотни лошадиных сил, заключенных в моторах, яростно заржали и понесли наш воздушный лайнер в небеса.

— Я имею неясность, пожалуйста,— первой нарушила молчание в салоне Ыйна.— Для чего устраивает редакция такой калейдоскоп мужчин? Только я освоилась с Моралевичем, как заменил его Бодров, пожалуйста. Привыкнув едва, внезапно наблюдаю вместо него теперь целых двоих. Причина какова, пожалуйста?

— Плюнь, мать,— мрачно сказал Квант.— Есть в экспедиции люди, чье плечо всегда рядом.

— Так надо,— пояснили мы.— По вашим донесениям стало ясно, что пресловутое Баксанское ущелье сегодня не может быть местом выживания. Скорее наоборот. Меж тем наш чуткий читатель, уже смекнувший, в чем дело, бомбардирует редакцию письмами, зовущими в дорогу. Вот поэтому мы с вами сейчас и устремились в Ленинградскую область, где творятся странные, плохо объяснимые вещи.

Наша зверюга под Ленинградом? — Варсонофьич будто даже помолодел от изумления.

— Подождите делать брови домиком,— отвечали мы.— Полюбопытствуйте в окошко. Мы уже летим над ареалом, или, если угодно, над регионом, в котором, похоже, балует искомое существо.

Наш лайнер как раз закладывал вираж над восточными районами Ленинградской области. Некогда могучие лесные массивы на тысячи гектаров были кем-то безжалостно выгрызены.

— Быть может...— сказала Ыйна с надеждой.— Может быть!

Глава семнадцатая
ИНТЕРЕСНОЕ КИНО

...А лес стоял загадочный, словно просился, чтобы его еще раз зарифмовали, положили на музыку и передали в концерте по заявкам. Мы шли, ступая след в след, как нарушители предела. Внезапно кто-то неподалеку заговорил человечьим голосом:

— Рубить леса из нужды можно, но пора перестать истреблять их. Все русские леса трещат от топоров, гибнут миллиарды деревьев, опустошаются жилища зверей и птиц, мелеют и сохнут реки, исчезают безвозвратно чудные пейзажи!..

Раздвинув еловые лапы, мы сунулись на голос. По заснеженной поляне прохаживался человек в пальто с шалевым воротником.

— Лесов все меньше и меньше,— вещал он,— реки сохнут, дичь перевелась, климат испорчен, и с каждым днем земля становится все беднее и безобразнее!..

— Голуба! — Варсонофьич, не выдержав, кинулся к говорившему.— Дай расцелую, разумник ты наш!..

— Стоп! — загремел кто-то с небес трагическим тенором.— Марина, я же просил держать массовку в узде!

Наперерез Варсонофьичу метнулась антрацитная брюнетка в длиннополом кожухе, расшитом райскими птицами. Лихим наметом настигнув дедка, она опрокинула его в снег.

— Бороду долой! Фамилию узнать! — заливался небесный тенор.

Антрацитная Марина рванула Варсонофьича за бороду. Дедок заверещал стреляным зайцем. Но тут операторский кран подал на землю небесного тенора, чьи дерзкие усы и вельветовая кепочка-плевок выдавали профессию кинорежиссера. Из кустов повалил киношный люд. Инцидент выдохся.

— Ну, баба-зверь! — с благоговейным страхом сказал дедок, плюясь снегом.— Это сколько же тебе платят за такую овчарочью службу?

— Какое полотно лудите, шеф? — Квант по-свойски напер на режиссера.— Случайно не в жанре мюзикла? А то есть несколько песенок в духе раннего Окуджавы. Будем знакомы: Квант Михайлов. Эти — со мной.

— Весьма... — сказал режиссер, ничуть не интересуясь.— А мюзикл — увы — нет! Снимаю чеховского «Лешего». Внимание на площадке! Сразу еще дублик, пока не остыли! Марина, артисту Перелоеву коньяку.

— Коньяк кончился, — отозвалась антрацитная Марина.

— Тогда и съемка окончена! — вспылил режиссер и повернулся к нам.— Это и есть наше кино! Вот о чем в «Крокодиле» писать надо! На Чехова и коньяку нет! Бред собачий!

— Вот уж верно: шелк не рвется, булат не сечется, красно золото не ржавеет,— встрял Варсонофьич.— Я это к тому, что Антон Павлович чуть не сто лет назад этакие слова про лес написал, а глядел в нынешний день, как в воду!

— Это есть очень понятно,— сказала подошедшая Ыйна, дернув плечиком.— Классик!..

Режиссер мотнулся в сторону Ыйны и откровенно напрягся:

— Эта девушка с вами? Марина, возьмите у нее телефон. Черт знает как смотрибельна!

— Пошли отсюда, мужики! — сказал сразу помрачневший Квант.— Где кино снималось, там былинка не растет. Где уж ископаемой твари выжить?

Смеркалось.

Глава восемнадцатая
В ЗАСАДЕ

Наша трехдневная засада не дала никаких ощутимых плодов, кроме симптомов острого респираторного заболевания да занудной песенки о девушке с янтарного побережья, сочиненной Квантом с явным намеком на Ыйну.

— А вы примечайте, что за лес окрест,— сказал Варсонофьич, возомнивший себя начальником после исчезновения Семужного.— Половина дерев цела, а половина будто выкушена. Чуете, чем пахнет? Весной! А весной любое чудовище, ежели оно самец, что затевает? Брачные игры! Из него природная сила прет. Оно себе соперника шукает, чтобы рога ему поломать. А поскольку наша зверюга — уникум, то и соперника ему нет. Вот тут оно с досады и землю жрет и стволы через себя кидает. Только от него такая порча здешнему лесу вышла. Тут нам его и стеречь!

— Это жизнь! — вздохнул Квант, глядя в костер.— Утки все парами, и даже ископаемой нечисти нужна подруга!

— Это есть типичный мужской разговор! — дернула плечиком Ыйна.— На такой разговор мое воспитание закрывает мне уши. Ах!

Рядом затрещали кусты. Кого-то несло на огонь костра.

— Я сейчас покажу ему брачные игры! — шепнула Ыйна, нацеливая в темноту вороненый ствол своего пистолета.

— Погоди! — скомандовал Варсонофьич.— Кажись, не оно! Кажись, это хозяин леса — медведь. Его лаской брать надо. Михаил Иванович, это ты?

Неясный силуэт двинулся к костру.

Глава девятнадцатая
ХОЗЯИН ЛЕСА

— Я не Михаил Иванович, а Петр Федорович! — сказал неясный силуэт, становясь ясным.— Почему костер жжете? Документы!

И все же П. Ф. Барсукова можно было величать хозяином леса, поскольку исправляет он в Ленинградской области должность главного лесничего. Однако новый знакомец не клюнул на лестное прозвище. И вот почему.

— Кроме нас, работников Минлесхоза,— поведал он,— хозяев леса еще видимо-невидимо. И каждый пользует «свой» лес, как ему вздумается. Кто рубит почем зря, в деньгу превращает. Кто — наоборот. Вот в Подпорожском районе, к примеру, лесосека «Межсовхозлеса» вообще пилы не знает. Гниет там лес...

— Это как же так? — зашумели мы, успевшие загодя почитать кое-какие документы.— Ведь года два назад было решение бюро обкома о передаче всех лесов Минлесхозу!

— Было,— кивнул наш собеседник,— только осело это мудрое решение где-то в облисполкоме. Да что наши «хозяева»! В ленинградских лесах трудятся, кроме местных, 57 приезжих организаций-заготовителей. А у нас с ними разная психология. Дали они сегодня лишний кубометр деловой древесины — завтра уже герои! Мы же пока тот кубометр заново вырастим — сто лет пройдет!

— Это двойной абсурд! — воскликнула Ыйна, сделав такие большие глаза, что Квант со стоном взялся за сердце, а дедок воровато перекрестился.— Мой папа сам сажал сад и сам собирает в нем яблоки. Других не пускает, пожалуйста!

— Одни перерубают, другие недорубают!.. Я все-таки ни черта не пойму! — вмешался Квант.— Давайте для ясности поставим вопрос ребром: что хуже — переруб или недоруб?

— Оба! — отрезал лесничий.— Ведь в чем тут самая скверная хитрость? Где-то весь лес состригли «под нулевку», а в другом месте вообще не трогали. В целом по области картина вроде бы пристойная. А лесу от такого варварства вред неописуемый!

Так, слово за слово ткалась затейливая вязь нашей беседы, пока ее не оборвал чистосердечный смех лесничего.

— Чудовище, говорите? Да лес здесь оттого выщипанный, что заготовители вырубили только хвойные. Древесину лиственных пород мы ведь все никак не научимся обрабатывать!

— Брачные игры! — Ыйна испепелила взглядом Варсонофьича.— Я имею неясность. Известно, что субъект, муравейник разоривший, за такую шалость должен платить до ста четырнадцати рублей пятидесяти копеек, пожалуйста. Субъект, самовольно в лесу свою козу пасущий, платит за это удовольствие тринадцать рублей пятьдесят копеек. Когда учтены такие тонкости, почему вы не бьете рублем по неразумным головам?

— Бьем! — вздохнул лесничий. — Вот в минувшем году за неочистку лесосек мы взыскали штрафов 20 477 рублей, за оставление высоких пней — 3 306 рублей, за самовольную рубку — 75 306 рублей, за нерациональную разделку — 39 080 рублей. Короче, штрафов и пени набралось больше чем на полмиллиона!

— Семечки! — усмехнулся Квант.— Вот в Архангельской области — это размах! Там в позапрошлом году только за не вывезенную из леса древесину почти девятьсот тысяч рублей заготовителями уплачено!

— Что им те тыщи! — махнул рукой Варсонофьич.— Не из своего, а из государственного кармана они их достают!..

И наступила пауза, необходимая, чтобы каждый в который раз мог подумать о необъятности и щедрости государственного кармана.

— Ах! — вдруг воскликнула Ыйна, копошившаяся в пожитках.— Смотрите, что я имею! Откуда ни возьмись, пожалуйста!

В дрожащей руке она держала четвертушку бумаги, на которой неровным почерком было нацарапано: «Срочно следуйте четыре километра от вашего бивуака к северу».

Глава двадцатая
РУКА СЕМУЖНОГО

Мы стояли вокруг холмика, заваленного сосновыми лапами, и, не веря своим глазам, читали простую надпись на простой папке «скоросшивателя»:

ДОКТОР БИОЛОГИЧЕСКИХ НАУК, ПРОФЕССОР Г. О. СЕМУЖНЫЙ.

— Видно, прах в родные места перевезли...— выдавил наконец Варсонофьич.

Но тут послышался журчащий русалочий смех, и профессор Семужный собственной персоной выглянул из шалашика, по досадной случайности принятого за печальный холмик.

«Читатели избавят меня от излишней обязанности описывать развязку»,— написал Пушкин, заканчивая повесть о барышне-крестьянке. Последуем и мы примеру гения. Не будем утомлять читателя рассказом об избавлении Семужного из лавинного плена, о бегстве профессора из травматологического пункта и т. п.

— Коллеги! — говорило вернувшееся светило, точно ребенка, баюкая руку, закованную в гипс.— После Баксанской катастрофы я имел весьма примечательную беседу в Министерстве лесного хозяйства. И мне стало абсолютно ясно, что наша экспедиция опять пошла по ложному следу. Странные вещи, творящиеся в наших лесах, отнюдь не результат баловства некоего гипотетического зверя. Когда вы увидите тысячи гектаров поломанного и иссохшего молодняка, знайте — это гуляли напропалую трелевочные тракторы. Когда вы увидите в лесу сотни гектаров мусорной свалки из ветвей, вершин и комлей, знайте — это следы бесхозяйственной, нерациональной разделки древесины. Когда вы увидите тысячи гектаров искалеченного леса, знайте — это последствия условно-сплошной рубки, при которой заготовитель берет древесину только высших сортов, а все остальное бросает как попало. В одной только России год назад Минлеспром заплатил за подобные надругательства над лесом 10 миллионов 732 тысячи 624 рубля! Но пусть никакие «штрафные санкции» не притупят вашей бдительности! Знайте, коллеги, все нарушения правил отпуска леса на корню и правил лесопользования были и будут существовать до тех пор, пока в наших лесах нет одного настоящего хозяина, пока заботятся о лесе одни, а используют его другие! И чем покорно смириться с таким положением, я готов скорее дать на отсечение свою вторую руку!..

Глеб Олегович грозно взметнул над светлой своей головой руку, закованную в гипс. Мы уже готовы были взорваться аплодисментами, но тут в профессорском вигваме надсадно запищал зуммер.

— Крокодил вызывает на связь Семужного! Крокодил вызывает Семужного! — бился в портативной рации московский голос.

— Я Семужный! Я Семужный! Прием! — отозвалось светило.

— Глеб Олегович, есть новости! Поступил сигнал тревоги из...

Но тут по прихоти какого-то полупроводника рация икнула и внезапно обволокла нас таборным голосом Наны Брегвадзе: «Ехали на тройках с бубенцами!..»

Профессор с изменившимся лицом поворотился к нам.

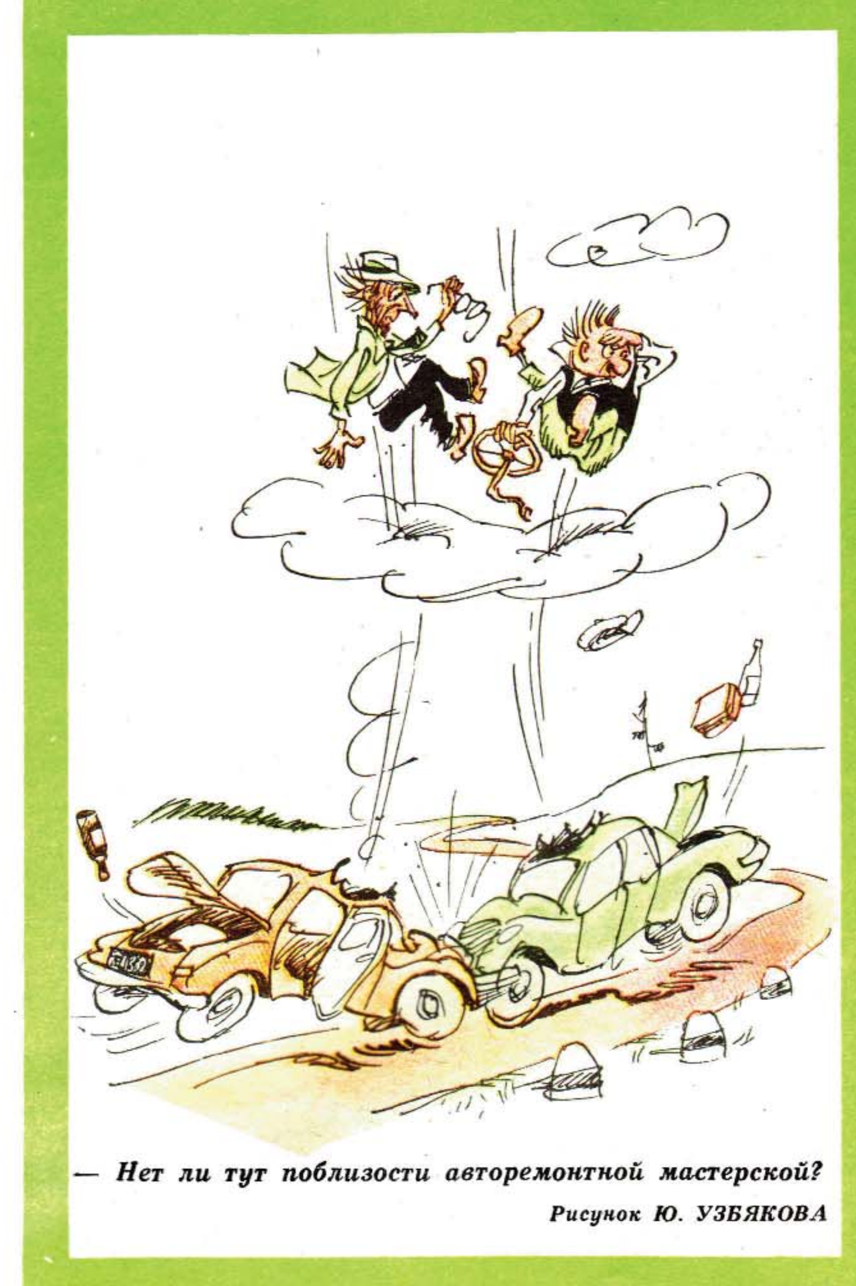
— Тревога!..— сказал он.

Ленинградская область.

— А ну-ка дуй в деревню к бабушке! Рисунок Г. АНДРИАНОВА

— Нет ли тут поблизости авторемонтной мастерской?

Рисунок Ю. УЗБЯКОВА

ВИЛЫ В БОК!

каждый сам себе солист

Могучей поступью самообслуживание занимает все новые рубежи. В Саратове, например, оно уже проникло в область ресторанного вокала.

Маленький оркестрик ресторана «Россия» испытывал затруднения с солистами-вокалистами. Что ж, решено было перевести это дело на самообслугу.

Теперь каждый посетитель, временно покинув уставленный бутылками и закусками столик, может грациозно подняться на эстраду. После кратких переговоров с пианистом он получит микрофон и затянет под аккомпанемент оркестра все, что ему угодно.

Каков же репертуар солистов от самообслуживания? Нет, не только «Шумел камыш». Исполняется и многое другое в зависимости от настроения певца, от того, сколько он успел выпить.

За свои выступления солисты не берут с оркестра ни копейки. Это точно. А приходится ли им самим платить за аккомпанемент и амортизацию микрофона? Не знаем. Утверждать не беремся.

Конечно, музыкальное самообслуживание делает в Саратове лишь первые шаги. Пока еще не дошло до того, чтобы любой желающий занял в оперном театре дирижерский пульт и начал ко всеобщему изумлению размахивать палочкой... Что ж, лиха беда начало!

Е. В.

или — или

Из чего складывается бюджет рабочего времени общественных инспекторов, которые призваны следить за безопасностью движения? Из контроля за качеством ремонта локомотивов, за стрелочными переводами, переездами, мостами, поездами грузовыми и пассажирскими, видимостью сигналов и т. д. Плюс — из развернутого отчета обо всем этом.

Какие санкции могут применять по сигналам общественных инспекторов? Закрыть пути, закрыть стрелки, отцепить вагоны, ограничить скорость, отстранить от работы и т. д. Плюс дать развернутый отчет обо всем этом.

Чем еще занимаются общественные инспектора? Обобщают опыт работы, выпускают информационные листки, внедряют рацпредложения и т. д. Плюс — составляют развернутый отчет обо всем этом.

Налицо дилемма. Если составлять отчет по всем правилам, то где взять время для контроля за безопасностью движения? А если не контролировать безопасность движения, то откуда взять цифры для отчета, состоящего из сорока с лишним позиций? По-видимому, это известно лишь руководству Днепропетровского отделения Приднепровской железной дороги, которое этот самый отчет внедряет в жизнь.

С. ЛОБНЯ.

домкрат в бегах

Всему виной нашпигованный техникой XX век. Люди напридумывали машин и механизмов — пруд пруди! Но самое неприятное в том, что механизм состоит из агрегатов, агрегаты — из узлов, узлы — из деталей. Представляете себе, сколько у машины возможностей сломаться!

Что в таких случаях делается? Отсылают неисправный агрегат изготовителю вместе с актом-рекламацией и ждут, когда бракоделы, краснея и заискивающе кланяясь, вручат потребителю исправный.

На Назаровском элеваторе в Красноярском крае так и сделали: отправили дефектный гидродомкрат автомобилеразгрузчика ГУАР-30 на завод - изготовитель («Спецэлеватормельмаш», гор. Новочеркасск) и ждут-пождут исправный агрегат вкупе с извинениями за изготовление брака. Но вместо пардона пришла из Новочеркасска телеграмма: гоните триста рубликов за ремонт — отремонтируем.

— Оплачивать заводской брак? С какой стати! — возмутилось руководство элеватора.

— Ах, так?! — вскипело руководство «Спецэлеватормельмаша».— Связь прекращаем!

Дело сделано! В течение двух хлебоприемных кампаний простаивает ни дня не работавший автомобилеразгрузчик, а оскорбленный завод-изготовитель гордо молчит в ответ на многочисленные запросы, напоминания и мольбы работников элеватора.

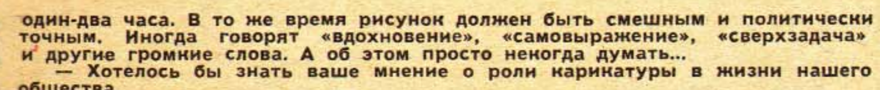
И. ЧЕРВЯКОВ.

РИСУЕТ БОРИС ЕФИМОВ

Сегодня Крокодил предоставил свой «выставочный зал» Борису Ефимовичу Ефимову. У этого человека удивительная, завидная судьба. Он был знаком с такими выдающимися людьми, как М. Горький, А. Луначарский, дружил с В. Маяковским, И. Ильфом и Е. Петровым, Демьяном Бедным, М. Зощенко, Д. Моором, К. Ротовым, М. Черемных и другими. И просто является родным братом замечательного писателя-публициста Михаила Кольцова. У него много почетных титулов и обязанностей — народный художник СССР, действительный член Академии художеств СССР, трижды лауреат государственных премий СССР, депутат Моссовета, секретарь правления Союза художников СССР, главный редактор «Агитплаката», член редколлегии «Крокодила». Но больше всего Бор. Ефимов гордится своим званием художника-карикатуриста. — Мне приятно,— сказал Борис Ефимович,— что сегодня здесь отсутствуют мои обычные персонажи — разные пиночеты, смиты, джексоны, и то, что на этой мини-выставке я могу показать тех, кого я знаю и люблю, кто близок мне по общему делу, по духу и дружбе...

День был таким, как и все другие,— с самого утра заполнен множеством неотложных дел.

Работа над рисунком в журнал, над предисловием к альбому зарубежных карикатуристов, беседа с молодыми художниками, подготовка к выступлению на телевидении... И при всем при том это был обычный рабочий день — нормальное в общем-то воскресенье...

А завтра свой круговорот жизни. Рисунок в газету, деловая встреча в Академии художеств СССР, сессия Ленинградского райсовета...

На днях на открытии выставки МОСХа один крупный общественный деятель с некоторым удивлением сказал: «Позавчера мы встретились на сессии Моссовета, вчера видел ваш рисунок в «Известиях», сегодня вы здесь... И как вы всюду успеваете?!» «Что делать,— развел руками вездесущий художник,— приходится успевать, если не хочешь отстать...»

И при всем при том ему уже минуло три четверти века. Этому просто не веришь, глядя на крепкую, ладную фигуру Б. Е. Ефимова, на его крупное, волевое, словно бы мастерски вылепленное скульптором лицо, в его задорно и лукаво светящиеся глаза...

— В чем секрет вашей неувядаемой творческой молодости? — задал ваш корреспондент свой первый пристрелочный вопрос.

— В движении, в движении...— засмеялся Б. Е. Ефимов.

Дверь в мастерскую, где мы вели беседу, открылась, и на пороге показалась худенькая русая девочка лет семи.

— Дедушка, дай бумагу и фломастеры. Хочу рисовать,— капризно надувая губки, сказала она.

— Внучка?

— Правнучка. Знакомьтесь, Ксаночка. Все мои фломастеры перетаскала. А вот на фото еще одна правнучка, Катенька,— ей полтора годика...

Борис Ефимович весь светился нежностью и был похож в эту минуту на любящую мать. Ваш корреспондент не преминул сказать об этом.

— Ну, не такой уж я любвеобильный,— улыбнулся художник.— Правда, и сатирики не только высмеивают, но и любят, как все другие люди. Наверное, во имя этой любви они и бывают такими язвительными и непримиримыми.

Ваш корреспондент посчитал, что самое время задать вопрос о том, как рождается карикатура.

— Политическая сатира — особый жанр, которому чужды неясные, отвлеченные переживания и ощущения, подобные, к примеру, тем, которые испытывает художник-пейзажист или поэт,— сказал Борис Ефимович.— Карикатура требует максимальной точности. Это похоже на быстрое решение сложной задачи. Представьте, перед художником стоит цель — откликнуться на то или иное событие, явление, факт, по-своему прокомментировать его. Он должен решить — как художественно наиболее выразительно раскрыть тему. У вас один-два часа. В то же время рисунок должен быть смешным и политически точным. Иногда говорят «вдохновение», «самовыражение», «сверхзадача» и другие громкие слова. А об этом просто некогда думать...

— Хотелось бы знать ваше мнение о роли карикатуры в жизни нашего общества.

— В нашем быстро развивающемся обществе, естественно, постоянно повышаются требования и к сатире в целом и к сатирическому рисунку в частности. Карикатура — составная часть общественного мнения. Художник-карикатурист формирует нравы и взгляды людей. Он, как и поэт, по образному выражению Маяковского, «ассенизатор и водовоз» и состоит на службе своего общества. Сатира должна идти в ногу с жизнью, быть умной, интересной, изобретательной. Те, кто считает: главное, было бы смешно, а что и как нарисовано — не столь уж важно,— работают вхолостую. Их продукция не оставляет следа ни в уме, ни в сердце. Читатель ждет от настоящей карикатуры новой оценки фактов и событий, нового узнавания явлений жизни. А когда это есть, тогда и достигается нужный психологический и художественный эффект.

— Отдельные молодые художники-карикатуристы отдают предпочтение абстрактному юмору,— сказал ваш корреспондент.— Что вы скажете на этот счет?

— Читатель или зритель не видит художника. Ему безразлично, старый он или молодой. К художнику надо подходить, как это предлагал М. Горький, с точки зрения общественной полезности его труда. Конечно, рисунок может смешить нелепостью. Я не за то, чтобы его изгонять, считать вредным. Но это не основной путь развития карикатуры. У многих наших мастеров-карикатуристов очень смешные рисунки, но в них есть и наблюдательность и свое отношение к жизни. И главное — в этом есть мысль, а не натужное желание любой ценой удивить и рассмешить...

Ваш корреспондент с уважением и понятным интересом слушал старого мастера и думал: «Вот говорят: тихая, спокойная старость. Какая чепуха! У настоящего художника не бывает старости. Ему некогда скучать...»

Дверь в мастерскую вновь открылась, вошла Ксаночка с листком бумаги в руках.

— Нужен еще один фломастер? — спросил правнучку Борис Ефимович.

— Нет, дедушка. Тебе телеграмма...

— «Дорогой Борис Ефимович,— прочитал вслух художник — Президиум Академии художеств СССР сердечно поздравляет Вас с высокой наградой Родины — орденом Ленина. От всей души желаем Вам доброго здоровья, новых творческих успехов...»

Беседу вел Г. МАРЧИК

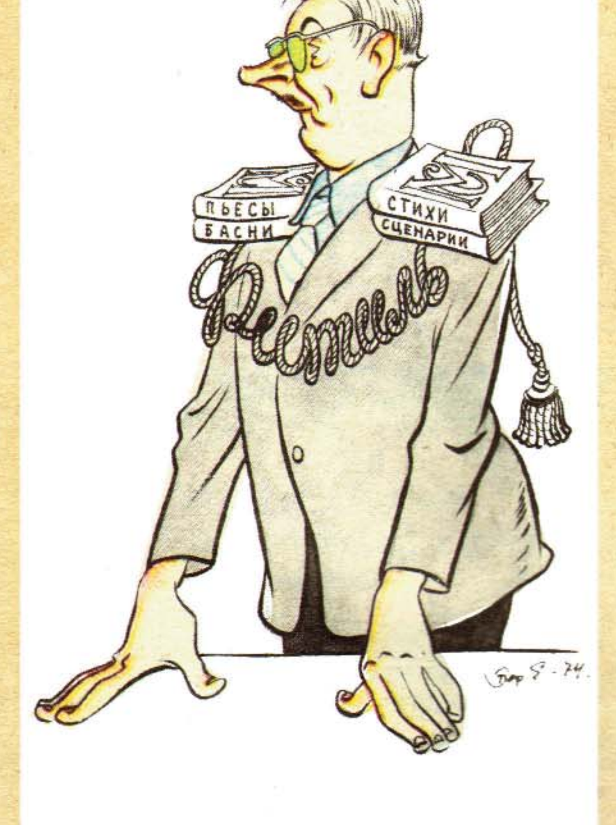
М. КОЛЬЦОВ

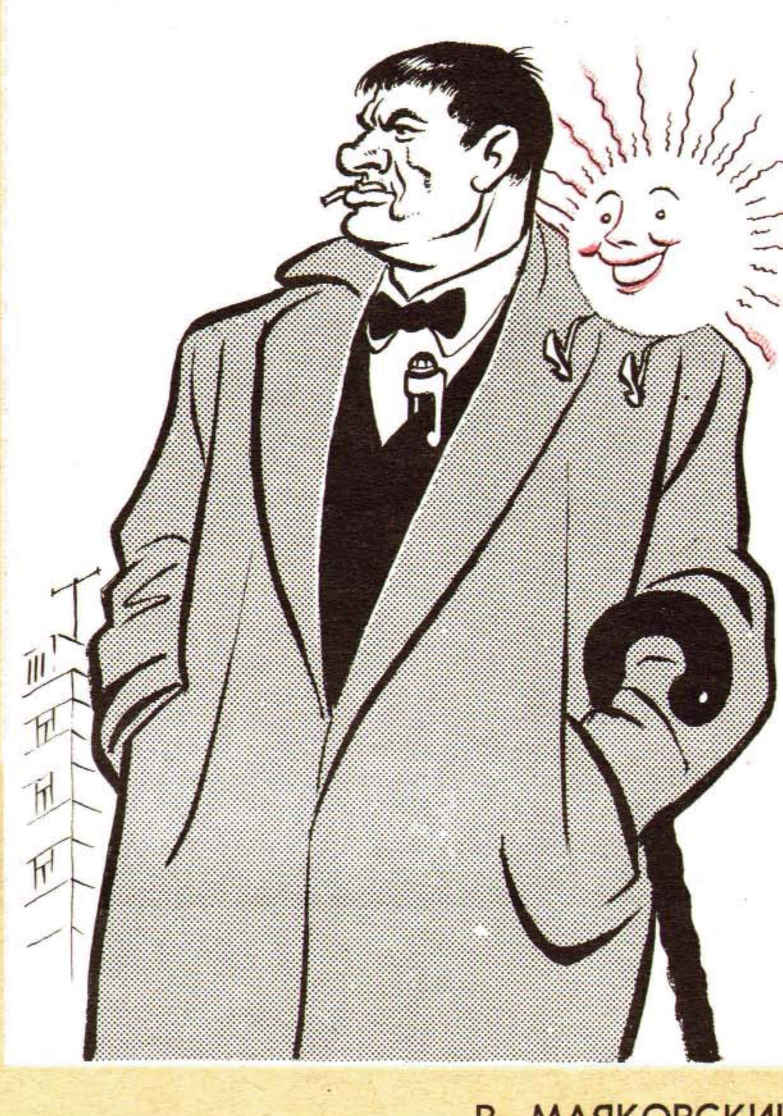
М. ЧЕРЕМНЫХ

А. ЖАРОВ

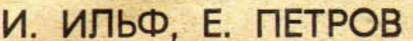

С. МИХАЛКОВ

В. МАЯКОВСКИЙ

И. ИЛЬФ, Е. ПЕТРОВ

Автошарж

Мануил СЕМЕНОВ

МЕСТО ПОД СОЛНЦЕМ

Немножко грустный рассказ

Сколько мы не виделись? Может быть, двадцать лет, а может быть, и больше. И вот встретились.

— Как живешь, дружище? — спросил я.

— Прекрасно! Нашел все-таки свое место под солнцем.

— Нашел? — с сомнением в голосе переспросил я.

— Да! — уверенно ответил он.

И дальше последовал его рассказ.

С тех пор, как себя помню, я всегда искал место под солнцем. На нашей несколько переохлажденной планете мне мучительно хотелось занять такое положение, чтобы я всегда видел чудесное небесное светило, а оно меня. И чтобы можно было всю жизнь нежиться в ослепительном блеске и благотворном пламени его лучей. Такая вот существовала мечта. Не боясь выспреннего тона, назову ее золотой нитью, свитой из солнечной плазмы.

Что это? Рано пробудившиеся наклонности карьериста? Бесплодные грезы юного, но такого стародавнего Обломова? Или вполне осознанное кредо сибарита наших дней — длинноволосого хиппи? Может быть, может быть...

Но тогда давайте назовем циником и ловчилой лупоглазого лягушонка, который спозаранку карабкается на лист кувшинки, чтобы встретить солнечный восход на этой идеально ровной зеленой площадке. А стройному буку, гордо взметнувшему ввысь свою зеленую вершину, скажем:

— Ты карьерист, бук. Неприятно смотреть со стороны, как ты изо всех сил тянешься к солнцу. Хочешь растолкать соседей и всех их опередить?

Промолчит бук, ничего не ответит на такие несправедливые речи. Потому что не такая уж блестящая карьера — попасть в руки колесного мастера и потом всю жизнь бежать куда-то вслед за быстрой упряжкой, нести на себе тяжелую поклажу.

Между прочим, и лягушонок, если его даже рассматривать в лупу, совсем не волосатик, он голенький, как ладонь. А трудится так самозабвенно! И когда пожирает разных вредных для человека и животного мошек и мушек. И когда, натужась до предела, вплетает свой голос в общий лягушечий оркестр, стройности и мелодичности которого могут только позавидовать иные заокеанские музыкальные ансамбли, призванные услаждать слух европейских меломанов. А если лягушонок иногда и понежится на солнцепеке, то нельзя же считать это обломовщиной или, хуже того, хиппизмом...

Вдумайтесь, друзья, хорошенько в эти и подобные им примеры. Не сомневаюсь: вы придете к выводу, что в моих поисках места под солнцем не было абсолютно ничего предосудительного!

Шли годы, я искал. Солнце было далеко-далеко и казалось недостижимым. Я выбирал пригорок, холмик, бугорок и карабкался на него в надежде оказаться хотя бы на несколько метров поближе к заветной цели. Но, случалось, оступался и катился вниз. А иногда меня подводило пресловутое чувство локтя. Вдруг что-то острое впивалось мне в бок, из-за боли я терял равновесие и летел кувырком на исходную позицию. Мои колени были постоянно в ссадинах, а в тех случаях, когда не удавалось заслонить лицо, на лбу возникали синяки и шишки.

И вот однажды, поднимаясь с земли и потирая ушибленное место, я услышал за спиной чей-то ангельский голосок:

— Бедненький, как мне вас жалко! Неужели вам никогда не приходила в голову такая простая мысль, что в одиночку ничего добиться нельзя?

Я живо обернулся и увидел девушку. Ничто так не будоражит душу, как чье-нибудь сочувствие и участие. Я был растроган, ее глаза заметно увлажнились. А ведь от жалости до любви — один шаг. Опять же, не страшась выспренности, сразу сообщу, что два нежных робких ручейка слились в один бурный говорливый ручей. Впрочем, говорила главным образом она.

— Милый, я убеждена, что мужчины ужасно непрактичны,— рассуждала прелестная женушка, нежно врачуя мои застарелые ссадины и царапины.— Отныне, дурачок, слушайся меня, и тогда ты быстро получишь все, чего тебе хочется достигнуть в жизни.

Я сказал, что мне ничего особенного не нужно, только было бы крохотное местечко под солнцем. Она коротко ответила: «Будет!»

А потом стало происходить что-то странное. Она критически расценивала каждый мой шаг.

Вот мы направляемся в «Распредсолнце».

— Милый, почему ты так спешишь? Ведь мы идем не на пожар, не правда ли?

Я стараюсь идти медленнее.

— Голубчик, ну что ты тянешься, будто не живой? Очнись! Если двигаться по-черепашьи, то мы как раз попадем к шапочному разбору.

Из-за пререканий опоздали. На «Распредсолнце» — огромный висячий замок. И записка: «Уехала на базу за лимитами».

Но вот, кажется, мне подвернулась удача: я нашел подходящее местечко и стою не шелохнувшись, словно врос в землю. Но тут же слышу ее голос:

— Глупышка, не стой как истукан, а оглянись назад — ты же отбрасываешь совершенно косую тень. Хочешь, чтобы и вся жизнь у нас пошла наперекосяк?

Нет, я этого не хочу. И покидаю облюбованное местечко.

В другой раз место оказалось идеальным, тень короткой и ровной. Но все равно ей оно не понравилось.

— Птенчик, умоляю, спрячься под дерево. Иначе тебе напечет головку, она у тебя и без того слабая.

Повинуюсь и сую свою голову в пыльную, нагретую солнцем листву.

С годами становится хуже и хуже. Стоит мне мало-мальски сносно устроиться, как она приказывает:

— Уступи свое место этому симпатичному юноше. Я уверена, что он очень отзывчив!

Я покорно уступаю место парню, хотя мне до сих пор неясно, каким образом она определила степень отзывчивости его сердца.

Мне все труднее и труднее подлаживаться под ее команды. А они сыплются, как горох из худой торбы.

— Поворачивайся быстрее!

— Не юли!

— Держись левой стороны!

— Я сказала тебе: иди вправо!

— Не сутулься!

— Чего стоишь, будто аршин проглотил?

— Лезь в гору!

— Сейчас же спускайся вниз!

Она четко руководит моим общением с людьми.

— Поклонись Петровым.

— Не замечай их!

— Поласковей с Ивановым: он очень влиятелен.

— Не смей лизаться с этим проходимцем!

— Позвони Сидорову.

— Забудь номер его телефона!

Не знаю, как себя чувствуют марионетки после очередного спектакля, устают ли они. Но я себя чувствовал прескверно, тем паче что моя женушка устраивала представление за представлением, постоянно обновляя репертуар и сокращая время антрактов. И я забастовал.

— Больше не хочу,— заявил я однажды.

— Чего не хочешь?

— Места.

— Какого места?

— Под солнцем.

— Ну и дурак,— откровенно рассердилась жена.— А у меня как раз наметился прекрасный вариант для тебя.

— Хватит! — отрезал я.— Никаких вариантов. Сыт по горло.

Но, конечно, тут мне пришлось покривить душой. Один вариант у меня остался. Вот какой.

Едва только наступает ночь и моя супруга погружается в глубокий сон, чтобы рано утром с новыми силами обкатывать и обтесывать меня, я покидаю дом. На улице ни души, царит тишина и покой. В темном ночном небе ярко сияет луна.

Теперь никто мне не мешает, никто не тычет острым локтем в бок, никто не заставляет дергаться и уподобляться бездушной кукле в театре марионеток. Я свободен, устраиваюсь, как хочу, и блаженствую.

Наконец-то я нашел то, чего искал всю жизнь. Ведь луна — тоже небесное светило и тоже чудо из чудес. Можете мне позавидовать: я имею место под луною.

Хотя иногда мне бывает немножко грустно от того, что она только светит, но не греет...

Мы расстались, чтобы, возможно, еще раз встретиться через десяток лет. В этом подлунном мире, где он чувствует себя так счастливо.

«ШУМ ЗА СЦЕНОЙ»

Волгоградский областной драматический театр имени М. Горького оказался в плачевном положении вследствие плохой работы дирекции театра по подбору и воспитанию режиссерских кадров и слабого контроля со стороны областного управления культуры. Об этом шла речь в одноименном фельетоне М. Семенова и А. Шейнина («Крокодил» № 2).

Заместитель председателя исполкома Волгоградского облсовета депутатов трудящихся тов. И. Шабунин сообщил редакции, что за неудовлетворительную работу по подбору режиссерских кадров, недостаточную требовательность к ним, а также за безответственность, проявленную при приеме на работу тов. В. Рябинова, директору драмтеатра имени М. Горького тов. А. Трофимову и заместителю начальника областного управления культуры тов. В. Заплавнову объявлены выговоры.

Областным управлением культуры и дирекцией драмтеатра приняты меры по улучшению подбора и воспитания кадров в театре.

Начальник Управления театров Министерства культуры РСФСР тов. В. Демин сообщил редакции, что главным режиссером Волгоградского драматического театра имени М. Горького назначен имеющий опыт руководства, положительно зарекомендовавший себя на прошлой работе П. И. Слюсарев, заслуженный деятель искусств РСФСР.

«РАКИ ОТ ПИВА»

В одноименной заметке А. Гейдеко («Крокодил» № 5) речь шла о том, что в некоторых городах и районах Ставропольского края, особенно в г. Светлограде, резко сократилась торговля пивом и безалкогольными напитками.

Как сообщил редакции заместитель председателя Ставропольского крайисполкома тов. Ф. Бурмистров, факты подтвердились. Работники, нарушившие правила торговли, привлечены к ответственности. Заместителю председателя Петровского исполкома райсовета депутатов трудящихся тов. Крыскину В. С. указано на слабый контроль за работой торговых предприятий. Исполком краевого Совета депутатов трудящихся наметил мероприятия по увеличению производства, улучшению качества пива и расширению торговли им во всех городах и населенных пунктах края.

Рисунок В. РОЗАНЦЕВА

— Вот видишь, я все-таки нашел ему применение.

Рисунок И. СЫЧЕВА

Клуб стилистов

О совместителях и манерности

Фельетон Устина Малапагина «Чудо без чудес» (№ 4), в целом хороший и остроумный, приятно читать. Но вот в конце есть фраза: «Мы проследовали за... хозяйкой дома, являющейся по совместительству женой колхозного механизатора...» Как-то это сказано уж очень манерно, а манерность чужда остроумию.

Из писем читателей Е. Головиной (г. Талимарджан), В. Мазура (г. Курск) и других.

Уважаемые товарищи! Автор фельетона, являющийся по совместительству хорошим семьянином и членом профсоюза, к тому же не чужд самокритики и благодарит вас за дружеское замечание.

Бюро добрых услуг

Согласны на калымщика

Дорогой Крокодил! Получив 4-й номер твоего журнала с этим рисунком, мы впервые своими глазами увидели человека, способного отремонтировать счетно-вычислительную машину. Он, конечно, калымщик, дерет втридорога, но колхозы нашего района согласны и на такого. В колхозах имеются три счетно-вычислительные машины «Искра-110» Тбилисского завода УВМ и две машины «Искра-1103» пензенского завода «Счетмаш». Ни одна из них не проработала и доли секунды.

Гарантийные мастерские от нас далековато — в Бийске, Алтайского края, и в Благовещенске. Мы попросили Бийскую мастерскую прислать мастера, наша заявка почему-то была переправлена аж в Хабаровск, где без вести пропала.

Пожалуйста, Крокодил, подскажи этому кустарю-умельцу наш адрес.

К. Серединина, главный экономист Улетовского районного управления сельского хозяйства,
А. Бурхиева, главный бухгалтер.
с. Улеты, Читинской области.

Уважаемые товарищи! После выхода в свет 4-го номера мастер, изображенный на рисунке, стал популярен и нахватал кучу заказов на починку тбилисских и пензенских «Искр». Но, может быть, изготовители, если, конечно, им дорога честь своих предприятий, все же попытаются высечь из ваших «Искр» искру божью?

ВОКРУГ СВЕТА И ТЬМЫ

Крокодильская международная газета. Выходит довольно регулярно.

Фельетон

Крик души

Не могу больше!

Я служащий. Слуга порядка. Но разве это порядок? Они теснятся, врываются ко мне в бюро находок. Как будто весь город потерял голову и ищет ее у меня. А что я могу сделать? Как было раньше? В основном приходили за зонтиками. Найденные я возвращал владельцам. Или за бумажниками. Тоже иногда возвращал, но реже.

А теперь? С каждым днем поток увеличивается. Мужчины и женщины. Больше пожилых, но немало и молодежи. Смотрят такими глазами, что их взгляды преследуют меня и по окончании рабочей недели. Станет такой (или такая) у окошечка и говорит: я потерял (а) работу.

Ну, что тут делать? Даю бланк, чтобы заполнили. Такой у нас порядок. Спрашиваю, что именно потеряно, где и когда. И тогда начинается ужас что. Люди с большими ручищами, превосходными мускулами и министерскими головами рассказывают мне, что потеряли работу. А я пожимаю плечами, ибо обрисованная ими работа не была найдена и сдана, как положено.

Солидные люди, проработавшие двадцать, тридцать лет, приходят ко мне и жалуются на утрату. Спрашиваю: как это могло случиться при вашем опыте? Пожимают плечами, отвечают: при чем тут опыт? Вчера была работа, а сегодня нет ее. Потеряли в течение ночи. Я говорю: что ж вы не могли получше хранить то, что вам принадлежит? А в ответ мне одно и то же: ведь должен быть порядок. На то и бюро находок, чтобы там искать потерянное. Я потерял работу. Вам ее не сдавали? Моя работа была такая-то и такая-то.

Этого никто не выдержит. День за днем эти лица. Вопросы. Надежды. Отказы. Сил моих больше нет пожимать плечами, отвечая: работу, которую вы потеряли, никто не сдавал.

Ну, что тут поделаешь? Они приходят и приходят. Их все больше и больше. Это невыносимо. Я служащий. Слуга порядка. Но разве это порядок?!

Не могу больше!

Петер МАЙВАЛЬД (ФРГ)

ПОВЫШЕНИЕ КВАРТПЛАТЫ НА 11%

— Такого, как вы, мы с удовольствием взяли бы на работу.

«Морнинг стар», Англия.

Новые термины

Лициники

Как известно, лицемер — это злонамеренный человек, прикидывающийся добродетельным.

Возьмем, к примеру, главу правительства Родезии Яна Смита. Он заявил, что **согласится на создание только такого кабинета министров, в который будут включать деятелей по деловым качествам, а не по цвету кожи.**

Итак, Ян Смит как будто бы уже и не расист: черная, белая или кофейная в крапинку кожа — это его нисколько не интересует, лишь бы человек был хороший, лишь бы под черепной коробкой любого цвета блистал мудрый государственный ум. И если Смит упорно отказывает коренным африканцам в праве управлять собственной страной, то это, стало быть, потому, что им не хватает деловых качеств.

По части лицемерия (и расизма, конечно, тоже) Смиту ничуть не уступает израильский министр обороны Шимон Перес.

Это тоже ужасно добродетельный господин. Он с утра до вечера печется об арабах. Господин Перес сказал так: **«Не следует оскорблять чувств арабов, и для создания поселений не нужно конфисковывать принадлежащие арабам земли».** И его еще обзывают «ястребом», этого человеколюбивого голубка! Заметьте, создавать военизированные израильские поселения на арабских территориях он будет как и прежде, но без конфискации земель. Очевидно, дома оккупантов будут держаться на воздушной подушке. А может быть, парить над арабской землей, будучи подвешенными к воздушным шарам-монгольфьерам...

Ну, а если бы и Смит и Перес отважились сказать правду?

Если бы Смит взял и сказал напрямик: «Не допущу чернокожих в наше лилейно-белое расистское правительство, ненавижу я их лютой ненавистью!», а Шимон Перес тоже резанул бы правду-матку: «Будем продолжать и расширять оккупацию арабских земель, сколько бы там арабы ни протестовали!» — что тогда?

Тогда Смит и Перес были бы не лицемерами, а циниками, ибо откровенное пренебрежение к нравственным и этическим нормам называется цинизмом.

Нет уж, лучше будем лицемерами, чем циниками, рассуждают Смит и Перес, авось, кого-нибудь да и обманем.

Напрасные надежды! Их лицемерие насквозь цинично. И поэтому закономерно появление в политическом словаре нового термина для таких расистов-словоблудов — ЛИЦИНИКИ.

Опросы об опросах

Французов трудно удивить опросами. Зондаж общественного мнения проводился, кажется, по всем мыслимым и немыслимым темам.

— Любите ли вы сыр рокфор! (Да — 25%, нет — 47%, не имеют определенного мнения — 28%.)

— Как вы относитесь к поздним бракам!

— Нужна ли избирательная реформа!

И т. д., и т. п.

Недавно изобретательные организаторы таких опросов закрыли последнюю брешь в выборе тем.

По инициативе радиостанции «Франс - интер» был проведен опрос населения об ...опросах. Результат для организаторов был не особенно радостным. Выяснилось, что только 11% опрошенных французов верят в результаты опросов. Почти каждый десятый вообще ни во что не ставит подобные мероприятия.

Теперь во Франции с интересом ждут следующего опроса, который выяснит, можно ли считать достаточно достоверными результаты этого опроса об опросах.

Бизнес на обломках

Джеймсу Саламиту из Хартфорда крупно повезло. В октябре прошлого года этот молодой человек ехал на своем стареньком «бьюике» по городу. На одном из перекрестков его машина столкнулась с автомобилем... президента США. Другой на месте Саламита погоревал бы о разбитой машине и попытался получить что-нибудь со страховой компании, но этот молодой человек проявил недюжинную изобретательность. Он выставил свою искореженную машину в хартфордском автомобильном центре, где за определенную плату любопытные могут не только поглазеть на «бьюик», но и унести небольшой обломок в качестве сувенира.

Торговля идет бойко. По самым скромным подсчетам, Саламит продал уже минимум три старых «бьюика».

ПИНОЧЕТ: — Я демократ!

«Небельшпальтер», Швейцария.

Верный способ

Наиболее верный способ похудеть открыл один японец. Способ этот весьма надежен, не требует ни голодания, ни употребления медикаментов. Его автор за 4 часа 23 минуты сбросил, например, два килограмма. Одновременно он установил и новый «мировой рекорд»: 37 427 прыжков через скакалку!

Зловещая акула

Американский фильм «Челюсти», рассказывающий об огромной акуле - людоеде, принес студии рекордную прибыль — 150 миллионов долларов.

Однако у фильма были «побочные эффекты». 110 минут, во время которых по экрану плавают куски окровавленного мяса, вызвали настоящий психоз в приморских городах США: по подсчетам статистиков, 37 процентов зрителей, посмотревших фильм, стали панически бояться акул, а 47 процентов зрительниц решили никогда больше не купаться в море.

Николай ЭНТЕЛИС

**Приехал в город на реке
Один корреспондент.
Массивный перстень на руке,
В словах звучит акцент.
Достав блокнот и карандаш,
Зашел он в горсовет:
— Чем интересен город ваш,
Прошу мне дать ответ.**

**Он слышит: вырос у реки
Еще один завод.
Ударной вахтой речники
Опережают год.
Станки из города везут
В другие города.
Есть два театра, институт,
Концертный зал...
— Да-да.**

**Он слышит: новые дома —
Для трудовых людей.
Квартплата низкая весьма,
Квартирой век владей.
Тут строят ясли, там — детсад,
Тут — клуб, там — гастроном...
— Да-да. Но где-то, говорят,
Есть аварийный дом!**

**Ему в ответ, что ветхий дом
Должны вот-вот снести,
Что никого в строенье том
Со свечкой не найти.
Что расселили всех подряд
(Квартиру — выбирай!)...
— Да-да. Но с рельсов, говорят,
У вас сошел трамвай!**

**Ему: ремонт произведен
За несколько минут,
И с пассажирами вагон
Продолжил свой маршрут.
Удвоен автопарк сейчас,
Летает вертолет...
— Да-да. Но, кажется, у вас
И диссидент живет!**

**— Есть гусь такой — один на всех!
Вот адрес: дом, подъезд...
Но гостю можно без помех
Пойти в десятки мест:
На стройки, в школы, на балет,
В цеха, на стадион,
В музей, на выставку...
— Нет-нет!
Мне нужен только он!**

**Поехал к диссиденту гость,
Полдня сидел, писал,
Блокнот заполнил вкривь и вкось
И сразу — на вокзал.
Он город даже не смотрел:
Мол, ясно все и так,
Мол, у него немало дел,
Он, дескать, не простак...**

**Вернулся гость в свою страну,
Патрон его позвал,
Окинул цепким взглядом: — Ну!
Привез материал!
И десять дней газетный ас
В статьях сходил с ума:
«Ужасен город — каждый час
Там рушатся дома.
Трамваи падают в кювет,
Пустынно на реке,
Ни школ, ни магазинов нет,
Театры — на замке...»**

**И уверял все десять дней
В статьях корреспондент,
Что это правда: ведь о ней
Поведал диссидент!**

из вороньего репертуара

Хуан Посадас, лидер латиноамериканского «секретариата IV Интернационала», озабочен тем, как поправить шаткие позиции троцкизма. И вот выход найден: оказывается, всем троцкистам надо... запеть.

В английской троцкистской газетке «Ред флэг» (Посадасу удалось сколотить секции своего «интернационала» не только в странах Латинской Америки, но и в некоторых странах Западной Европы) опубликована статья этого «идеолога IV Интернационала» под названием «Песни и коммунизм». О коммунизме там, правда, ничего не сказано, зато автор громогласно доказывает, как важно, чтобы все троцкисты запели.

«Необходимо,— поучает он своих единомышленников,— научиться петь... Каждый наш товарищ должен учиться пению, думая при этом не о совершенствовании голоса, а о самом процессе пения».

Идея Посадаса явно заимствована из политической жизни Китая, где уже давно с помощью распевания (на манер псалмов) стихов и афоризмов Мао Цзэ-дуна, как уверяет пекинская пропаганда, повышают производительность труда и вылечивают от болезней.

И хотя Посадас не указывает в своей статье, какие песни следовало бы петь его единомышленникам, троцкистский репертуар всем хорошо знаком. Он основан на клевете против социализма, международного революционного движения, коммунистических партий. А поэтому можно предположить, что первым делом троцкисты примутся за разучивание арии «Клевета все потрясает, клевета все потрясает...».

В пользу песнопения Посадас привел и еще один аргумент, навеянный, очевидно, прогулками по лесу. Он пишет: «У птиц есть много непонятных пока для нас звуков, с помощью которых они, птицы, хотят установить с нами связь... Мы далеки от понимания птиц, потому что у нас много других проблем».

Судя по всему, троцкисты были бы не прочь найти общий язык с некоторыми видами птиц. Не исключено, что здесь в первую очередь их внимание привлекут вороны. И звуков у них немного, да и по духу они ближе к троцкистам, давно уже накаркивающим всякие беды тем, кто идет по подлинно революционному пути.

Посадас уверяет троцкистов, что пение вселит в них «оптимизм и уверенность». На самом же деле как бы ни горланили троцкисты, их песня уже спета.

Мих. БАСМАНОВ.

*За этой старою стеной
Стращать пытаются войной.*

Стихи Сергея МИХАЛКОВА
Рисунок М. АБРАМОВА

ЗМЕЙ-ИСКУСИТЕЛЬ

Рисунок А. ЦВЕТКОВА

Нарочно не придумаешь

«Пассажиры, проходите в серединку, там еще шевелятся».

(Объявление кондуктора автобуса).
Прислала Г. Толпышева, ст. Мучная, Приморского края.

«Швея Л. дала обязательство безбрачия. Слово свое сдерживает. До тридцати процентов изделий шьет со Знаком качества».

(Из выступления).
Прислал П. Олещенко, г. Днепропетровск.

«Снетков принимал активное участие в общественной жизни коллектива. В 1974 году был один раз в вытрезвителе, а в 1975 году три раза».

(Из характеристики).
Прислал А. Соколов, г. Барнаул.

«Уважаемые родители! Сообщаем Вам, что Ваша дочь Наташа успешно сдала первую в своей студенческой жизни сессию. Благодарим Вас за хорошее воспитание сына.
Профбюро органического ф-та ИХТИ».

(Из поздравительной открытки).
Прислал А. Мальцев, г. Иваново.

«Они готовы дни и ночи проводить в Альпах на лыжах, под ярким солнцем».

(Из газетной заметки).
Прислал А. Булатов, г. Рига.

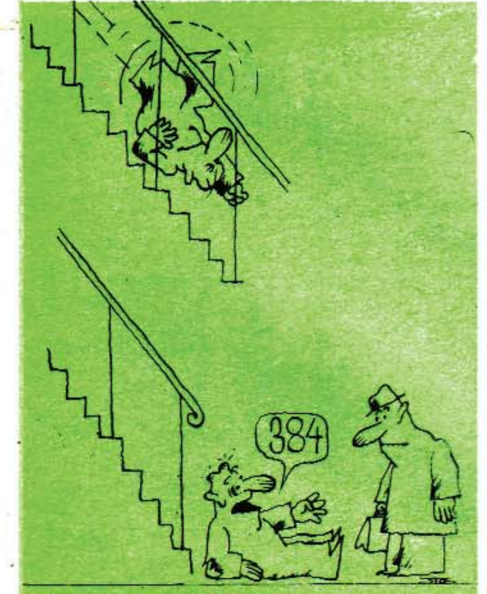

Рисунок О. ТЕСЛЕРА

ЧУЖОЙ АВТОБУС

Конечно, нашим женщинам не привыкать к комплиментам. Но лично мне хочется отметить еще одно их прекрасное качество: широту души, что ли.

К примеру, не особо давно одна дама из Калужской области подарила одной строительной организации новый автобус.

Вот вы мне и скажите: способен мужчина сделать что-либо подобное? Теоретически-то он, может, и способен, но практически скорей всего он на этом автобусе будет ездить сам. Во всяком случае, в жизни я таких примеров не встречал. Где услышите — напишите. С удовольствием пересмотрю свою позицию.

Мне говорят:

— Если действительно такой подарок, то почему ты пишешь фельетон, а не оду?

— Потому,— говорю,— что этот автобус был не ее.

Тут, конечно, все изумляются, и приходится рассказывать жизненный эпизод более подробно. Дескать, в минувшем году очень хорошо потрудились работники Жуковской межколхозной строительной организации (МСО) Калужской области. И за успехи в соревновании их премировали автобусом.

Ну, ясное дело, у строителей радость и всеобщее ликование. Надо скорей получать автобус. И вот в августе представитель Жуковской МСО с нарядом в руках прибывает в город Павлов-на-Оке, где делают эти самые автобусы.

Однако на заводе его встречают без особого восторга. И говорят примерно в таком духе:

— Мало ли что наряд... Быстрые какие. Сейчас автобусов нет. Вот построим — пришлем телеграмму.

И действительно, в ноябре присылают телеграмму, чтобы приезжали за автобусом.

Но при этом в телеграмме указывается не совсем точный адрес: там вместе с Жуковской МСО появилось слово Малоярославец.

Беды бы особой не было, потому что Жуковская МСО и Малоярославецкая МСО — все это рядом. Но, к несчастью, сотрудница телеграфа Татьяна Дмитриева направила радостную телеграмму в соседнюю Малоярославецкую МСО, которая к этому автобусу никакого отношения не имела. Как потом выяснилось, этим самым она проявила широту души и, по сути дела, презентовала малоярославцам автобус.

Будь в Малоярославецкой МСО люди порядочные, недоразумение выяснилось бы тут же. Но там чрезвычайно обрадовались такому удачному случаю и решили скорей ехать за автобусом.

Правда, их смущало отсутствие наряда. Но они справедливо рассудили, что автозаводцам в конце концов безразлично, кто получит их автобус. В общем, автобус стал служить незаконным хозяевам.

Естественно, этот тревожный слух достиг жуковцев, и они направили на завод еще одного ходатая за уточнением и выяснением. Но тот поначалу толку не добился, потому что с ним просто не захотели разговаривать. И только когда на завод принесли копию исторической телеграммы, там признали, что допущена промашка. Ходатай товарищ Лаврушин вернулся не солоно хлебавши домой, а к малоярославцам полетела с завода телеграмма: «Ошибочно выданный автобус просим вернуть...» и так далее.

Но, как вы понимаете, с людьми, которые не ведают порядочности, такие причастные обороты бесполезны. Это глас вопиющего в пустыне.

Тогда, естественно, жуковцы решили обратиться в Госарбитраж. Но тут они узнали, что данный автобус попал в аварию и что осталось от него — неизвестно. И стоит ли из-за этих остатков утруждать Госарбитраж?

Такая история. А что на сегодня? Что делать-то?

А это уж, извините, просто неизвестно.

С одной стороны, Жуковская бухгалтерия морщит лоб и раздумывает, как списать всякие разъездные расходы, связанные с получением несостоявшейся премии. А с другой стороны, работают они хорошо, и, глядишь, снова будет им презент в виде такого же автобуса.

Ну, а что касается малоярославцев, то как-то у них спросили:

— Вы этой женщине с Малоярославецкого телеграфа Тане Дмитриевой хоть букетик цветов преподнесли за такой роскошный подарок?

Засмущались малоярославцы и сказали, что ничем таким они свою благодетельницу отблагодарить не удосужились.

Вот они — мужчины!

Н. АНДРЕЕВ.

УЛЫБКИ РАЗНЫХ ШИРОТ

Алан КОРЕН (Англия)

Этот нехитрый бытовой прибор

«Несмотря на недавно принятые законы, уравнивающие женщин в правах с мужчинами, большинство английских мужчин по-прежнему будут обращаться со своими женами, как с более или менее полезными предметами».

(Из журнала «Тайм»).

— Так вот, прихожу я домой в пятницу,— начал мужчина в голубых штанах, сдув пивную пену со своей кружки,— и что же я вижу? Груда грязного белья на кухонном полу, тарелка с супом, промерзшим до дна, кошачьи следы в углу. «Ну,— подумал я,— этого мне только не хватало, опять она вышла из строя!»

— Сломалась? — спросил мужчина, одетый в пальто в елочку.

— Начисто,— сказал мужчина в голубых штанах.— Я нашел ее в углу, стукнул кулаком, она вроде как бы зашевелилась...

— Можно и ногой лягнуть,— заметил мужчина в спортивном пиджаке.— Они иногда от этого заводятся.

Мужчина в голубых штанах слизнул пену с усов.

— Нет,— сказал он.— Это дело требует квалификации. Только зря испачкаешься, а там может быть что-нибудь серьезное. Я вот свою тряхнул пару лет назад, ну, и вывернул ее паршивое плечо. Целые две недели не мог обратно вставить. Раз пришлось даже к врачу ее тащить.

— И что же с ней было?

— Расширение вен,— сказал мужчина в голубых штанах,— можете вы в это поверить?

Собеседники с изумлением поглядели на него.

— Расширение вен? — воскликнул мужчина в пальто в елочку.— Не понимаю, как это может помешать им готовить! Ведь не ногами же они это делают!

— Не говорите, ноги им нужны. Они должны утюжить стоя. Моя как-то поутюжила сидя, когда она ошпарила себе колени, так вы бы видели, во что она превратила мой синий шерстяной костюм.

Мужчина в пальто в елочку согласно кивнул.

— Верно, за ней надо лучше ухаживать,— сказал он.— В конце концов это окупается. Если уж ей надо выходить в дождь, то надень на нее какой-нибудь пластиковый чехол. Можешь купить его на барахолке. Пять шиллингов. Однако стоит того. Вот так, бывало, мой старик ухаживал за своей! И знаете, когда он откинул сандалии, она все еще сновала, как челнок, и это в восемьдесят-то лет! Мне тогда кто-то посоветовал отдать ее в дом для престарелых. Как бы не так,— сказал я,— она еще поработает. И точно — почти до девяноста лет работала по мелочам, ну там делала сандвичи, шила, мебель протирала...

Мужчина в голубых штанах вздохнул.

— Теперь таких больше не делают,— сказал он.— Моей понадобились очки, когда ей еще не было и тридцати. А скоро ей понадобится слуховой аппарат. А для аппарата нужно четыре батарейки в год, это не считая, сколько выложишь сразу.

— Английская модель,— пробурчал мужчина в спортивном пиджаке,— в этом вся беда.

— Что?

— Если бы мог начать все сначала, я бы завел себе японскую модель. Они великолепно отлажены. Вот у моего брата японская, заимел ее тридцать лет назад, так она все еще зашнуровывает ему ботинки по утрам.

— Не может быть!

Все трое какое-то время молчали.

— И все-таки что-то непонятное с этими английскими моделями,— наконец промолвил мужчина в голубых штанах.— Такое впечатление, что у них какой-то дефект в самой конструкции.

— В этом-то и вся загвоздка,— сказал мужчина в спортивном пиджаке.

Перевел А. ПАТИН.

Подруга — подруге:

— День, когда я выйду замуж, будет печальным для многих моих ухажеров.

— Не думаю. Ты же не сможешь выйти сразу больше, чем за одного...

●

Пациент обращается к врачу:

— Двадцать тысяч франков за операцию? Но ведь это очень дорого!

— А вот идет мой коллега Дюпон, который не возьмет с вас ни франка!

— Как, он делает операции бесплатно?

— Да, ему обычно платят наследники.

●

В ресторане:

— Безобразие, от этого шницеля пахнет алкоголем!

— А теперь, мадам? — спрашивает официант, отойдя на два шага.

●

Богатый молодой человек с севера Англии удивил всех, когда, вернувшись из деловой поездки в Лондон, привез красивую молодую жену.

— Как тебе удалось ее встретить? — спросил один из его друзей.

— Очень просто. Я только открыл мой бумажник, и она тут как тут.

Федор ШЕШУН (Югославия)

С точки зрения обезьяны

Случилось так, что шимпанзе, принадлежавший богатой английской леди, сбежал от нее, когда она путешествовала по Африке, и вернулся к сородичам.

— Вернулся, значит,— сказали сородичи, рассаживаясь на ветвях баобаба.

— Выходит, вернулся,— молвил шимпанзе, оглядываясь.— А где моя...

— Ты б еще дольше отсутствовал,— объяснили сородичи.— Ждала-ждала, да и выскочила за другого. Из соседнего леса... Ну, что там, у людей, нового? Хорошо живут?

— Да не так, чтобы очень.

— Почему же?

— Ну, например, вы увидели подходящее дерево — и тут же сооружаете себе гнездо. А им, беднягам, приходится деревья строить из камня.

— Бедные,— вздохнули сородичи.— Тяжело им, наверное, в таких неуютных норах?

— Тяжело,— согласился шимпанзе,— поэтому-то они по утрам как угорелые выскакивают из них и несутся в другие гнезда, еще более неуютные.

— Это для чего же?

— Точно я вам сказать не могу, но моя бывшая хозяйка, я слышал, говорила, что для пропитания.

— Ну, это чепуха,— сказала обезьяна, сидевшая на самой верхней ветке,— разве в гнезде можно найти какую-нибудь еду?

— Понимаете,— сказал цивилизованный шимпанзе,— у них все не как у нормальных, у них все наоборот.

— Гм, а живут-то они хоть весело?

— Какое там весело! Вернутся в главную нору и сразу же уставятся в какой-то ящик. И вот сидят, сидят перед ним, даже не двинутся. Разве это жизнь, я вас спрашиваю? Или бывает, выпьют чего-то и начинают без причины смеяться.

— Странно,— сказала другая обезьяна.— Мне вовсе не надо пить, чтобы веселиться.

— Вы меня не поняли, они пьют не воду, а что-то другое...

— А они ходят в настоящий лес?

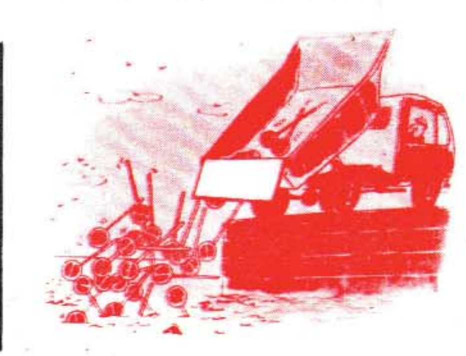
— Редко-редко, да и то не могут устроить себе там хорошее гнездо.

— Почему?

— Они очень неумелые. Они даже бегать почти не умеют, и поэтому ездят в железных ящиках...

— И это называется эволюцией? — буркнул старый самец со шрамами.— Интересно, кто же в таком случае обезьяны — мы или они?

Перевел Г. МАРКОВИЧ.

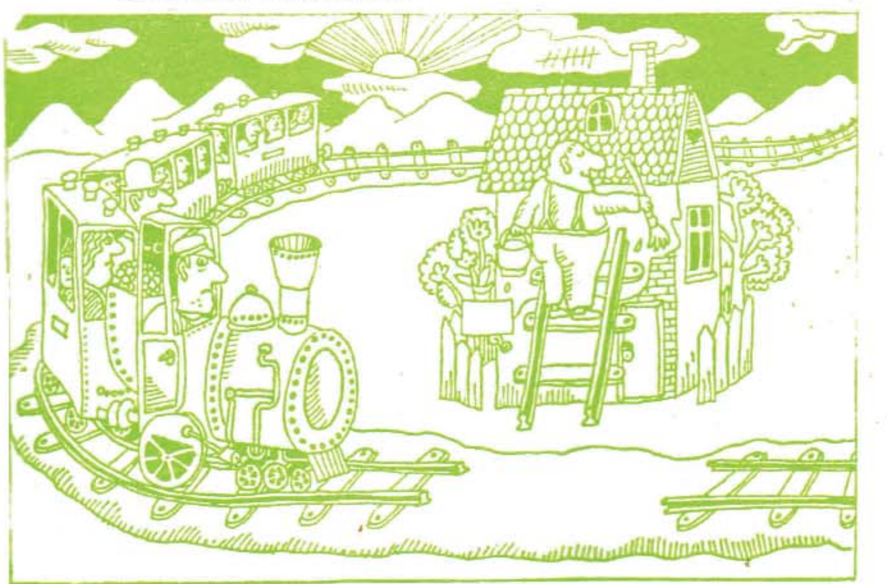

«Дикобраз», Чехословакия.

«Иси Пари», Франция.

На лоне природы.
«Кляйне цайтунг», Австрия.

«Стыршел», Болгария.

Шотландец встретил черта в своей библиотеке и спрашивает, как он сюда попал.

— Через каминную трубу.

Шотландец поднимает телефонную трубку.

— Стой, не зови священника, прошу тебя! — взмолился черт.

— Да я и не думаю его звать, я только хочу предупредить трубочиста, чтобы он сегодня не приходил.

●

Хозяин фирмы проинструктировал новую секретаршу, что ей следует отвечать посетителям.

Приходит первый посетитель. Она спрашивает:

— Представляете ли вы другую фирму? Хотите ли получить деньги по счету? Являетесь ли другом директора?

— И то, и другое, и третье.

— В таком случае,— заявляет секретарша, посмотрев в свои записки,— директор сейчас на заседании, он уехал на две недели, и я сейчас сообщу ему о том, что вы пришли.

— Вы видите, одну уже унесли — у нее голодный обморок.

«Санди трус», Австралия.

Слова, слова...

Всю жизнь его ждали великие дела. Не дождавшись, ушли к другому.

Деян Лопичич, югославский юморист.

Мания преследования многим помогла в жизненной гонке.

Милован Турчинхоцич, югославский юморист.

Прожил свою жизнь незаметно для нее.

Из эпитафии на кладбище в городе Эн, Англия.

Если и преследовать истину, то только с благородной целью.

М. Ген, американский социолог.

Сжег за собой все мосты, чтобы некуда было отступать, и сдался.

Г. Мише[illegible]нцузский журналист.

КРОКОДИЛ

№ 14 (2168)

ИЗДАЕТСЯ С ИЮНЯ 1922 ГОДА

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА»

Темы рисунков этого номера придумали: М. Абрамов, М. Битный, М. Вайсборд, В. Жаринов, Г. и В. Караваевы, В. Мохов, К. Невлер, В. Розанцев, И. Сычев, О. Теслер, В. Тильман, Ю. Узбяков, М. Ушац, Ю. Черепанов, И. Шиков.

НАШ АДРЕС:

101455,
Москва, А-15, ГСП,
Бумажный проезд, д. 14

ТЕЛЕФОНЫ:

250-10-86
253-34-37

■

Главный редактор
Е. П. ДУБРОВИН

■

Редакционная коллегия:
М. Э. ВИЛЕНСКИЙ
А. Е. ВИХРЕВ
(зам. главного редактора)
А. Б. ГОЛУБ
Б. Е. ЕФИМОВ
А. П. КРЫЛОВ
(художественный редактор)
Г. О. МАРЧИК
(зам. главного редактора)
И. М. СЕМЕНОВ
М. Г. СЕМЕНОВ
С. В. СМИРНОВ
А. А. СУКОНЦЕВ
А. И. ХОДАНОВ

■

Технический редактор
Г. И. ОГОРОДНИКОВ.

■

Рукописи не возвращаются.

■

Сдано в набор 19/IV 1976 г. А 00373. Подписано к печати 29/IV 1976 г. Формат бумаги 70×108¹/₈. Объем 2,80 усл. печ. л. 4,54 уч.-изд. л. Тираж 5 800 000 экз. (1-й завод: 1 — 3 699 220). Изд. № 968. Заказ № 2177.

■

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.